

СТАНИЦА

ГАЗЕТА
СОЮЗА
КАЗАЧЬИХ
ВОЙСК
РОССИИ

№ 7 декабрь 1992 г.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Екатеринодар. Сентябрь 1992 г.
Памятник генералу Л.Корнилову, созданный
усилиями редакции и читателей журнала
«Кубанец» (США) и их представителей на Кубани.
Скульптор В.Слинько.

Г.М.МОИСЕЕВ О ЛАМПАСАХ

Эти строки я пишу в преддверии праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, желая поделиться некоторыми мыслями о казачьих лампасах. Почему именно о лампасах? Да потому, что на празднике Покрова в Оттаве собирается быть вся Монреальская станица. Ибо это не только престольный праздник нашей оттавской церкви, но всеобщий казачий праздник, который казаки решили отпраздновать в этом году особенно торжественно, при лампасах.

Должен сказать, что такое намерение привело у нас дома к семейной «драме». Ибо, услышав о лампасах, мой внушник Миша полез ко мне в шкаф, обнаружил мои форменные брюки и, вытащив их в столовую, всем на удивление, заявил, что не пойдет на следующий день в школу, если ему не сделают вот такие же, с лампасами. Принимая во внимание, что это должен был быть третий день его первого школьного года, его мать очень скоро сдалась. Теперь ему шьют нечто вроде шаровар с лампасами. Мальчишка сияет - совсем, как у деда! Но это не все. Теперь он заявил, что хочет гимнастерку, подражая гимнастерку тоже, как у деда. Теперь уже и дед стал поглядывать на внука с подозрением.

Хорошо, что хоть коня нет, а то, пожалуй, и коня подай ему, как у деда. Этак за конем пойдет и седло, и сбруя, и шашка, и пика, и шинель, ну и, конечно, сапоги..., а кому же за это все платить? Да ясно, дедушке. Светлана сияла - ты, дед, нас так учил, это все результаты твоего воспитания, ничего тут странного нет, что Миша захотел штаны с лампасами.

Но вот пошел спать мой неугомонный внук Миша, и я тоже пошел в спальню и теперь уже сам вытаскивал мои старые брюки с лампасами. И сапоги - еще те, что когда-то молодым хорунжим носил во время последней войны. Посмотрел на лампасы и подумал: спасибо тебе, Мишук, за лампасы постоял, на праздник вместе в лампасах пойдём. И вспомнились мне слова моего отца в одном из недавних писем, где он писал, что казак без мундира, да еще и без коня - нечто неполноценное. И ведь как правильно сказано! Еще, помнится, до войны, на особые торжества одевали казаки свои мундиры, черкески, а нонче такого и в век не узреть. Все галстуки, да пиджаки, да туфельки, да шляпы, эти, сугубо штатские, унижительные изобретения. Небось, Мишка любит заглянуть в

альбом. Усядется этак поближе к деду, прижмется маленьким теплым тельцем и перелистывает фотографии. «А что это? А что это?» А потом вдруг натолкнется на фотографию прадеда в царском мундире: «Это прадедушка? А что это на плечах?» «Это, милый мой, погоны, а это френч...» «Почему френч? Он француз?» «Да нет, это такой мундир...» «Я тоже хочу, - заявляет Миша и тычет пальцем в фотографию. «Мало ли что ты хочешь, на хотенье есть терпенье...» «А я хочу лампасы, - полупешет внук, он знает, что дед любит, когда Миша только по-русски с ним говорит. Тут уж и дед просто мякнет. Ну как не расплыться? Сидит же такой малыш, смотрит деду в глаза и просит лампасы. Тут и камень растает.

И вспомнилось мне, как был я когда-то на далеком севере Канады, в маленькой, чудесной церквушке и на вечерне, в полумраке стоял с правой стороны пожилой казак-донец. Из-под пальто были видны алые лампасы. И стоял он как изваяние. Ни шевельнется, ни колыхнется, словно часовой у Императорского дворца. Я, надо признаться, вместо молитвы все время поглядывал на донца. У меня начало живей биться сердце, а по спине забегали мурашки. Вон он какой, казак-донец. Тут уж весь вид внушали уважение и любовь. То-то, в лампасах казак. Так он всегда ходил в церковь. И оказалось, что ему уже боле семидесяти

лет, а выправка у него была гвардейская. И стоял он перед Богом в самом дорогом, что у него было. К самому большому начальнику он всегда приходил по парадному одетым. При своих донских лампасах.

Вскоре мне пришлось уехать, но красота традиции, красота человека в казачьих алых лампасах, стоявшего в полумраке северной церквушки, осталась со мной на всю жизнь.

И теперь, перебирая с внуком старинные фото, особенно те, где запечатлены казаки, я вспоминаю еще одного старого донца, что умер за три дня до Покрова. Его похоронили при лампасах, под трехцветным русским флагом в промерзшей, каменистой канадской земле. Так он пошел к своему начальнику, к самому важному Атаману, рапортовать о своем прибытии в Царство небесное. И смотрит он на нас свысока и спрашивает - ну, а как вы там, станичники, есть ли у вас там лампасы, чинима? И что мы ему ответим? Я знаю, что мой внук Мишка ответит - мне мама шьет уже. И радостно улыбнется куда-то вдаль своими голубыми светлыми глазенками.

Так пойдём, станичники, праздновать наш большой праздник Покрова Пресвятой Богородицы в наши чудные храмы, оденем наши славные алые лампасы и поблагодарим Бога за то, что дал Он нам быть казаками и иметь наши доблестные традиции.

Монреаль, Канада

ПАТРИАРХ ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ II БЛАГОСЛОВИЛ СОЮЗ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК РОССИИ

9 декабря с.г. Патриархом Всея Руси Алексием II была принята делегация казаков во главе с атаманом Кубанского Казачьего войска и заместителем Председателя Совета атаманов СКВР Нагаем Евгением Александровичем.

Патриарху было вручено обращение Совета атаманов СКВР к Президенту и народным депутатам России, ранее переданное по назначению.

После состоявшейся беседы Патриарх благословил на служение Богу, Народу и Отечеству Кубанское казачье войско, его атамана Нагая и в его лице все 12 казачьих войск России и всех подписавших это обращение казачьих атаманов.

ОБРАЩЕНИЕ СОВЕТА АТАМАНОВ

Уважаемый Президент России!
Уважаемые народные депутаты России!

Обеспокоенные судьбой Отечества все воссозданные на добровольной основе двенадцать Казачьих Войск России объединились в Союз.

Только единение всех здоровых сил России, основой которого должно стать объединенное казачество, способно не только сохранить Россию, но и возродить ее величие.

Однако, неременным условием такого возрождения является консолидация государственной власти в лице выбранных народом Президента и Съезда народных депутатов.

По мнению казаков, продолжение бессмысленной борьбы за рычаги власти будет самым безответственным выбором в момент, когда налицо разложение и предельная коррумпированность чиновников, промышленности и экономика в целом скатываются к мафиозным формам деятельности, границы России незащищены от криминальной агрессии со стороны стран ближнего зарубежья.

Казаки приветствуют решение Съезда по военным вопросам, означающее начало перехода к профессиональной армии. Мы готовы и настаиваем на принятии акта о привлечении всех казаков на государственную службу, придание государственного статуса Союзу Казачьих Войск России.

Казаки одобряют шаг, сделанный Президентом навстречу Съезду и призывают Съезд также поддержать Президента.

Символом преодоления внутреннего раздора должно стать решение о земле, включающее пункт о возврате исконных прав на землю российскому казачеству.

Российское казачество готово, опираясь на законы, принятые Съездом и Верховным Советом, и под началом законно избранного Президента:

- принять под надежную охрану границы России, перекрыть основные каналы контрабанды и бандитских набегов;
- возродить для России статус первой хлебной державы, принять на себя защиту и заботу о русской земле;
- начать подлинное духовное возрождение Российского народа.

Только внутреннее единство и согласие позволят России в полной мере отстаивать свои законные интересы за рубежом, в том числе защитить честь и достоинство граждан русской и других коренных для России национальностей повсюду, где бы не ущемлялись их права.

Казаки решительно отрешиваются от всех попыток использовать естественное возрождение казачества в каких-либо политических целях, иных кроме укрепления Российского государства.

История уже показала, что раскол по политическому признаку среди казаков ведет к неисчислимым бедам для всей России.

Единственной идеологией казаков было и остается служение родной земле, как сказано в принимаемой казаками присяге:

«Служить верой и правдой, не щадя живота своего Богу, Народу и Отечеству».

Совет атаманов Союза Казачьих Войск России:

А.Т.Ветров, Е.А.Нагай, В.П.Титов, А.А.Новокрещенных, Г.М.Горьков, С.А.Кривонос, Г.Д.Чернокалов, Н.Н.Попов, В.Полуянов.

Благословляется Войсковым священником Кубанского Войска о.Валентином (Голиковским).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА АТАМАНОВ СОЮЗА КАЗАЧЬИХ ВОЙСК РОССИИ

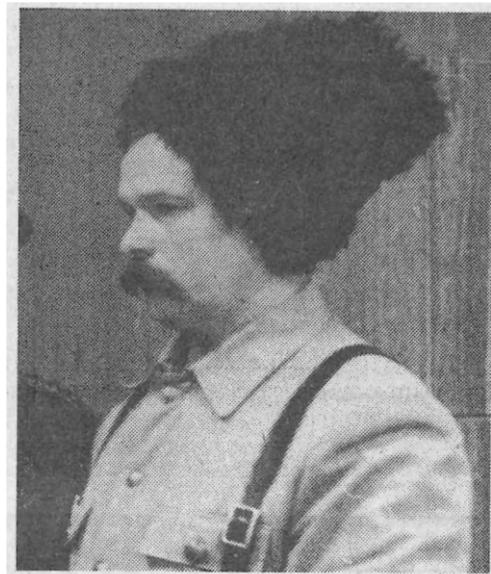
3 октября с.г. на заседании Совета атаманов Председателем Совета атаманов Союза казачьих войск России избран Ветров Альберт Тимофеевич. В истории казачества это второй Председатель Совета атаманов. Первым был А.И.Дутов, избранный проходившим в июле 1917 года съездом казачьих представителей в Петрограде. Таким образом, восстановлена историческая преемственность.

А.Т.Ветров родился 5 ноября 1946 года в селе Усть-Пит Енисейского района Красноярского края. Закончил исторический факультет пединститута. По профессии историк-краевед со специализацией по истории казачества и освоению Сибири и Дальней России. Предки А.Т.Ветрова по отцовской линии - выходцы с Дона, а по матери - забайкальские казаки Большаковы. Дед, Калитник Кириллович Большаков, - уроженец поселка Долгокычгинского Упятуевской станицы 2-го войскового

отдела Забайкальского казачьего Войска. В составе 1-го Читинского полка участвовал в 1-ой мировой войне на германском фронте. В 1931 году раскулачен и выслан в Восточно-Сибирский (с 1935 года - Красноярский) край. Погиб в 1933 г. на совруднике.

В августе 1991 года А.Т.Ветров Большим кругом Енисейского казачьего Войска был избран Войсковым атаманом. Енисейские казаки с самого начала заняли четкую антибольшевистскую позицию, почему и стали в июле 1991 года одними из учредителей Союза казачьих войск России.

Редакция «Станицы» поздравляет А.Т.Ветрова с избранием на ответственный и почетный пост Председателя Совета и желает успехов в многотрудной работе по возрождению Российского казачества.

В Союзе Казачьих Войск России

3-4 октября состоялось заседание Совета атаманов Союза Казачьих Войск России, созванного по инициативе атамана Енисейского казачьего войска А.Т.Ветрова и и.о. атамана Землячества казаков в Москве Г.В.Кокунько. На Совете также присутствовали: атаман Союза казачества Оренбуржья В.П.Титов, полномочный представитель Кубанского казачьего войска отец Валентин (Голиковский), полномочный представитель Казачьего Круга Дона М.М.Болдырев, помощник атамана Донской зимовой станицы в Москве В.М.Батов, товарищ атамана Екатеринбургской станицы Сибирского казачьего войска А.А.Байнов, начальник штаба СКВР Е.В.Ефремов и члены штаба СКВР.

На Совете обсуждались следующие вопросы: 1) Подведение итогов первого года работы СКВР; 2) О разработке предложений от Казачьих Войск к государственной программе возрождения казачества в соответствии с Указом Президента РФ от 15 июня с.г.; 3) Организационные вопросы: а) об избрании Председателя Совета атаманов СКВР, б) о внесении дополнений в Устав СКВР, в) об избрании ревизионной комиссии СКВР.

По первому вопросу с отчетом о проделанной за год работе выступили начальник штаба СКВР Е.Ефремов и зам.нач. штаба Г.Кокунько. Отчет руководителей штаба был подвергнут выступавшими обоснованной критике за слишком слабую организационную работу. Было отмечено, что Учредительным кругом СКВР в июне 1991 г. в качестве главной задачи штаба определялась подготовка и проведение Большого круга СКВР. За прошедший год ничего для этого сделано не было. За это время штаб сумел лишь зарегистрировать СКВР в Минюст, наладить выпуск газеты «Станица», и принять некоторое участие в работе казачьего отдела Госкомнаца РФ. Совет атаманов принял решение изменить структуру руководящих органов СКВР. Поскольку Уставом предусмотрен в качестве высшего органа Совет атаманов, было решено избрать Председателя Совета, которому и поручить все управление делами СКВР между заседаниями Совета. Председателем Совета атаманов СКВР избран атаман Енисейского казачьего войска А.Т.Ветров. В качестве дополнения к Уставу было принято Положение о Совете атаманов СКВР, согласно которому начальник штаба СКВР назначается Председателем Совета атаманов.

Кроме того, Совет атаманов постановил:

1. Признать итоги работы штаба СКВР и его начальника

Е.Ефремова несоответствующими уровню стоящих перед Союзом и казачеством в целом задач. Обратит внимание на нечеткие формулировки функций и полномочий штаба в Уставе СКВР, приводящие к бесконтрольности деятельности нач. штаба. Поставить работу штаба СКВР под серьезный контроль Совета атаманов, для чего принять соответствующие дополнения к Уставу.

2. В связи с высказанным всеми выступающими неудовлетворением работой начальника штаба СКВР Е.Ефремова, его несогласованными с Советом атаманов и региональными организациями действиями и заявлениями (в том числе при проведении совместной пресс-конференции с Партией экономической свободы К.Борового), информацией Московского управления уголовного розыска о выяснении обстоятельств коммерческой деятельности одного из привлеченных к работе штаба СКВР помощников Ефремова - Дубова, -

а) отозвать из всех соответствующих органов и инстанций полномочия Е.Ефремова, освободив его от исполнения обязанностей нач. штаба СКВР;

б) поручить Ревизионной комиссии провести проверку хозяйственной и финансовой деятельности штаба СКВР, обстоятельств сделанных Е.Ефремовым заявлений о находящихся на счету СКВР основных и оборотных средствах;

в) до назначения нового начальника штаба возложить его функции на председателя Совета атаманов;

г) отозвать из Министерства юстиции России переданные туда Е.Ефремовым без согласования с Советом атаманов документы на внесение поправок к Уставу СКВР;

д) печать СКВР передать председателю Совета атаманов Союза; в случае ее невозвращения или невозможности дальнейшего использования зарегистрировать новую печать Союза.

По второму вопросу о разработке предложений к государственной программе возрождения казачества с докладом выступил сотрудник казачьего отдела Госкомнаца С.Н.Смирнов.

Докладчик сказал, что Государственный комитет по национальной политике, на который Указом Президента была возложена координация разработки государственной программы возрождения казачества, оказался в непростом положении. Недавно созданное управление по проблемам казачества не укомплектовано. Некого нашим

атаманам предложить возглавить и организовать разработку своей же программы. Не рвутся в суету и склоки ученые, не хотят делить призрачную «власть». Ушли от атаманов хотевшие работать специалисты-казаки, остались люди, «истинно преданные идее казачества», - но для практической работы, а не для краткого выступления с трибуны, одной преданности мало, надо еще уметь работать профессионально. Конечно, свято место пусто не бывает. В Москве не казаков - чиновников много, укомплектуют это управление. И программу в установленные сроки напишут - к 30 декабря, за 3 месяца, для многомиллионного казачества всей России. Бумага все выдержит, и мы, как миленькие, будем ее исполнять.

А атаманам и казакам все не до государственной программы. Снова начинаются круги, борьба за власть... Коммерсанты всех мастей, прослышав про возможные экономические льготы казачеству, пытаются наперед поделить казачество на сферы влияния.

С развернутыми предложениями к государственной программе возрождения казачества выступили представители Кубани (Максимов) и Оренбуржья. Полные тексты представленных документов будут опубликованы в следующем номере «Станицы».

Совет атаманов в качестве дополнения к Уставу СКВР принял Положение о ревизионной комиссии СКВР, в соответствии с которым избрана Ревизионная комиссия и ее председатель - А.И.Серба.

На Совет прибыли делегации: от Амурского казачьего Войска из Хабаровска во главе с атаманом С.В.Проценко и от Амурского казачьего землячества из Благовещенска во главе с атаманом А.П.Зиновьевым. Делегации обратились к Совету с просьбой о принятии этих организаций в Союз Казачьих Войск России. Совет решил принять эти организации в состав Союза. Присутствовали также представители Семиреченцев из Бишкека, и осетинских казаков (Аланский казачий полк) из Владикавказа.

Решено также, что очередной Совет атаманов СКВР будет созван в конце ноября - начале декабря, на котором и будет окончательно решен вопрос о сроках и порядке созыва Большого Круга СКВР. Предварительно договорились созвать круг в марте-апреле 1993 года.

На этом Совет закончил работу.

КРИК КАЗАЧЬЕЙ ДУШИ

Живет в Усть-Белокалитвенском юрте свидетель казачьей трагедии в Австрийских Альпах. Через автора этой публикации и редакцию газеты рассказчик-свидетель просит отозваться тех, кто, может быть, еще жив после июня того далекого 1945 года.

«Меня призвали в конце 1942 года, - сообщает рассказчик, - много нас тогда было из Белой Калитвы (бывш. ст.Усть-Белокалитвенская), из Краснодонецкой (бывш. ст.Екатерининская), из Литвинова (бывш. х.Николаев), из Ленина (бывш. х.Свинарев). Словом, со всех станиц и хуторов нашего района. Под тысячу человек! Меня, можно сказать, не призывали, хотя приказ о призыве был. Я сам пошел и до сих пор горжусь этим. Мой отец никогда не осуждал меня за это. С восьми лет я понял, что это за власть. Мы сами из хутора Нижний Ковалев Гундоровской станицы. От «милостей» советской власти бежали. В сорок втором формировали нас в хуторе Синегорском. Было мне тогда восемнадцать лет. Шли мы защищать Дон от большевистской нечисти».

Автор этой публикации вспомнил, как к нему на работу на заре перестройки примчался вызванный коммунистами из органов пропагандист-лектор и долго клеймил позором белокалитвенских казаков, давших 800 (по другим данным - 1200) воинов в армию фюрера. Перепугались до смерти семь бывших парторгов, обитающих в отделе: нашлись незванный защитник белоказаков. В те времена запросто грозили выбросить в окно да чинили мелкие пакости, как и подобает партийцам. «Реагировали» партайгеноссеи «шли дело» защитнику... Не удалось, опоздали тогда трощи. Успели лишь слово в слово поместить такую же информацию в местной совковой газетке.

Разумеется, ни в какой армии фюрера эти казаки не были, обыкновенная коммунистическая пропагандистская стряпня. Наряду с русскими генерала Власова, формировались казачьи войска для освобождения России от коммунистической заразы, но так и не были использованы.

И рассказчик продолжает: «Большевистская пропаганда из ботинок выпрыгивала, все доказывала, что в наших корпусах одни бандиты, мародеры, уголовники да воры. Заверю Вас: ни одного такого у нас не было. Да и не потерпели бы мы таких. Казаки были проникнуты желанием покончить с этой бесовской властью, теперь такой дух называют Белой идеей. Сколько горя действительные красные уголовники принесли казакам. Да только ли им?! И не наша вина, что нами так неумно распорядились. Дон в этот раз дал больше воинов, чем в гражданскую войну.

Видел я генерала Краснова Петра Николаевича, ну вот как тебя. Простой был человек, Царство ему Небесное. В Белоруссии это было, а у нас в станице не удалось его увидеть...».

Автору рассказывали о посещении генералом нашей Усть-Белокалитвенской станицы осенью 1942 года. Был он в казачьей форме, в шинели - прохладно было, ходил с байдилом - последствия ранения в первую мировую войну. Сказал небольшую речь на церковной площади - призывал на борьбу с большевизмом, посетил станичный храм. Молился там. Это было его второе посещение станицы. Первый раз Петр Николаевич был у нас в июне 1918 года, сразу после изгнания банд Романовского, Щаденко и эшелонщиков. Писали тогда в газете, как он похвалил нашу церковь-красавицу и выразил уверенность, что у казаков пешего Донецкого полка, расквартированного в станице, выветрился революционный дух. Полк этот наполовину состоял из тех казаков, которые поверили большевистско-еврейской пропаганде и кинулись выгонять из Новочеркасска калединцев. Горько-революционером ссадили с коней, публично выпороли и... побоялись пустить на царичинский фронт.

Рассказчик сожалеет, что немцы не разрешили по-настоящему участвовать казакам и власовцам в войне: пос-

ледовали бы более массовые сдачи в плен и палач Сталин со своей кликой остался бы без солдат. И давно уже бы жили, как все нормальные люди.

«Мы служили, - продолжал старый казак, - в корпусе генерала Фон Панвица. О том, что корпус имел 15-ый номер, я и не подозревал. На нас были казачьи мундиры с лампасами. Вот такие, как на фотографии в газете «Станица». Были у нас и конница, и артиллерия, и другие рода войск. Даже авиация. Гитлер нам не доверял. Он до конца войны был уверен в своей победе, а наше участие могло лишить его завоеваний».

В конце войны казачьи дивизии организованно отошли из Италии в английскую зону оккупации Австрии. Нас вероломно выдали англичане. Пусть будут прокляты Господом Богом все участники-затейники этого предательства и их потомки. Сначала нас разоружили. Потом окружили английскими войсками. Отделили от офицеров. Мы видим, что-то не то. А нам врал, что отвезут в порт Триест, а оттуда кто куда хочет: хоть в Канаду, хоть в Австралию, хоть в Египет, хоть в Аргентину, а кто пожелает, то и в Россию. Посадили нас в большие машины и повезли. В каждой машине по четыре автоматчика: два спереди и два сзади. Потом смотрим, а вдоль дороги тоже стоят английские солдаты с автоматами. Опасения усилились. Нам снова врут: это для того, чтобы немцы нас не отбили и не заставили воевать. Совсем стало страшно, заволновались казаки. Доезжаем до развилки, там указатель «Триест - 120 км.», а нас повезли на Грац, то есть в советскую зону оккупации. Тут мы окончательно поняли, что англичане нас подло предали...

Я не попал в Лиенц. Там побили казаков из корпуса Доманова. Говорят, что убивали английские солдаты еврейского происхождения. Но не всех, молодежь передали НКВД. Повезли их в Кемерово на рудники. Большевикам нужны были рабы. Там и замучили непосильной работой, как двадцать лет назад их отцов, приехавших из эмиграции и вероломно обманутых бандой Владимира Ильича.

Передавали нас на мостах через реку Мур в трех австрийских городах: Юденбург, Клагенфурт и Грац. На моих глазах казаки прыгали с моста в горную речку, а англичане, как в тире, стреляли по ним. Все перед глазами, будто вчера это было. Меня в группе казаков передали в Юденбурге на мосту, а потом перенесли нас в Грац. Там выдерживали, иных коротко допрашивали и увозили в оглобированных товарных вагонах на восток. Из нашего корпуса лишь небольшая часть попала в Кемерово, а я оказался в числе многих на Магадане. В военных действиях мы не участвовали, может, потому и не расстреляли нас сразу, а повезли на медленную смерть.

Никому я до сих пор ничего не говорил про себя, тебе первому, расстроил ты меня своими статьями, а тут еще газета про казачью трагедию. Ты мою фамилию пока не упоминай. Заклюют местные коммунисты. Они все при власти, хоть и отменили партию. Это ведь мафия. Надесь встретил меня один такой приезжий подголосок. Пригрозил, что коммунисты еще вернуться. Слухи распространяют, что к осени они возьмут власть. А разве они ее теряли? Это для того, чтобы люди не выходили из колхоза, откуда вся эта шайка богатеет.

Все, что напечатано в газете «Станица», чистая правда. Это наша газета, обязательно подпишусь на нее. Так вот, ...бежали и из наших машин казаки. Англичане стреляли, но кое-кто все-таки скрылся. Кидались казаки уже в Граце под танки, чтобы не ехать в коммунию.

Есть в публикациях в «Станице», на мой взгляд, неточности. Там идет разговор о 70 тысячах пострадавших казаков, а только в нашем корпусе более ста тысяч, в корпусе Доманова почти столько же, а еще корпус Краснова приплюсуйте. Да 5-ый запасной полк - это еще двенадцать сотен. Были там кубанцы, терцы, алтайцы, калмыки, горцы разные и другие. Ту же участь вместе со своими детьми разделили белоэмигранты, придерживающиеся казаков.

1942 г.
Ушел в 1942 г. в корпус фон Панвица

Всех передали англичане, редко кто ускользнул. Наберется с полмиллиона уничтоженных. А это уж какая разница: сразу убили или медленно уничтожили в концлагерях.

Солженицын описывал ГУЛАГ, а мы были в ГОРЛАГ»е. Это государственные особые режима лагеря для политзаключенных. ГУЛАГ по сравнению с нашим режимом просто рай. Предателями нас числили, а потому мы были особережимными. А кто предатели России - это надо еще разобраться. Кто в 1917 году на немецкие деньги залил кровью Россию?

У меня был лагерный номер N 526. Он был отпечатан типографским способом крупными цифрами на тряпочке белого цвета, чтобы издали было видно. Таких лоскутков было три. Их положено было носить на левой стороне груди, на шапке, чтобы свисала на правый висок, и на спине.

Конвой был вологодский. Звери, а не люди. То ли их таких подбирали, то ли они там становились сволочами. «Мы - робята вологодские, конвой строгий, шуток не любим. Шаг в сторону, считаем - побег. Спускаю собаку. Кобел не догонит, сниму порты, догоню однако!»

Рудник от лагеря, как вон до того бугра (1,5...2 км.), может чуточки дальше. Брели туда по колено в снегу или воде. Работали тоже в воде. Коммунистам и их женам золото добывали. Высушиться негде, так и спали в мокрой одежде. Кормили баландой впроголодь. Я выжил, так как был молод. Большинство погибло. Идет человек в строю, потом поворачивается к конвоюру и говорит: «Ну, я пошел, начальник». И выходит из строя. Шага три успевает сделать в сторону и короткая автоматная очередь... Люди сознательно шли на смерть, жизнь была невыносима. Идем из рудника и каждый должен нести с собой увесистый камень. Потерял - остался без баланды. Так 600 камней ежедневно - мостили дорогу и плац в лагере... Ничего нового я про лагерь не сообщу, все уже описано-переописано.

Отпустили нас после смерти Сталина в 1954 году по амнистии. От каждого потребовали расписку, чтобы молчал. Вот и молчим до сих пор. Мало кто остался, когда освобождали, а до этого времени вряд ли кто дожил».

Долго мы беседовали с казаком, многое он рассказывал. Прорвало человека. Но не все втиснешь в этот негромкий крик казачьей души.

В.КАРПОВ,
г.Белая Калитва

ЧЕСТНЫЙ ТРУД И ИСКРЕННЯЯ МОЛИТВА

Дорогие братья-казаки!

Сердечно приветствую Вас от лица всей нашей Ангарской казачьей станицы.

Спасибо за газету «Станица». Изумительнейшее издание, которое мы, казаки Ангарска, с нетерпением ждали. Проблемы, поднимаемые Вами, в полной остроте встают и у нас, ангарчан.

Я не случайно акцентирую внимание на слове «ангарчане». Дело в том, что уже почти полгода, как высшим руководством Иркутского казачьего войска наша Ангарская станица объявлена «жидомасонской», «продажной», «предатель-

ской», «дерьмократической» и проч. В эпитетах они, как правило, не стесняются.

А все началось с того, что отказались в прошлом году принимать участие в «кулачных боях» с кавказцами на иркутском рынке, отказались мы также от «усмирительных» акций против бурят. И, наконец, наша главная «проблема» перед ИКВ - в том, что мы не дали ни одного добровольца для отправки на войну в Приднестровье!

А чем же мы занимаемся? А тем, что с огромным терпением и настойчивостью, с молитвой о спасении России получили в июне этого года у ангарского горсовета землю, строим

храм, открыли Воскресную школу, детский клуб для казачат. Для казака земля - основа основ. А у нас очень много молодых ребят, отслуживших в армии, многие - с высшим образованием, для них земля - как воздух, ведь квартира у нас в России - предел мечтаний, а им нужно обустроиться, создавать семью.

Одно из ругательств у ИКВ в наш адрес - «гнилая (и проч.) интеллигенция!»

Действительно, 70% нашей станицы - это врачи, учителя, юристы, люди, прочитавшие и изучившие труды А.И.Солженицына, Н.А.Бердяева, И.А.Ильина, люди, для которых Белая Идея стала святой, жиз-

ненным идеалом и credo. Видимо, это больше всего и не может простить нам партийно-гэбистско-советское руководство Иркутского Казачьего войска, идеал для которых - люмпен, либо солдафон, одетый в казачью форму.

Остается уповать на Господа, пути у Которого, как известно, неисповедимы. Я лично верю, что наш русский народ поймет окончательно, что настоящий путь к возрождению - не в братоубийственных войнах, конфликтах, дележах клочков земли или парламентских склоках, а в честном труде и искренней молитве.

Вот тогда-то, возможно, и возродится та Великая Россия - Святая Русь, идеал которой живет во многих сердцах.

В заключение, хочу еще раз пожелать Вам всего наилучшего, поблагодарить за чудесную газету! Может быть, Вам нужны будут более подробные материалы для газеты о нас, о наших делах, пишите нам. С радостью будем готовы к сотрудничеству.

Храни Вас Господь!
С глубоким уважением и сердечной благодарностью
из Сибири Кланюк и вся наша Ангарская казачья станица.

«ЧЕСТНЫЙ РАССКАЗ О... БУДУЩЕМ» или «УМНЫЙ ВЗГЛЯД НА КАЗАЧЕСТВО»

Об июльском сообщении представителя Президента России В.Н.Зубкова в Контрольное Управление администрации Президента РФ относительно казачества и его возрождения (по публикации в «Вечернем Ростове» 12.10.92)

От редакции: Статья А.Мягкова была отдана в «Вечерний Ростов» в октябре. В течение более чем месяца автор ждал исполнения обещания редактора газеты В.Г.Славянского опубликовать ответ казака В.Н.Зубкову. Как это ни печально, но приходится констатировать, что не все редакторы придерживаются моральных норм в отношениях со своими читателями, ибо ответ казака так и не был опубликован.

Мне, казаку, искренне жаль, что «правдивый и умный взгляд на казачество, честный рассказ о его жизни, традициях, о его настоящем и будущем» не стал лейтмотивом публикации. В конце ее читаем: «на дворе - конец 20-го века, и жить по регламенту начала этого века я не желаю». Редко кто в восторге от наших порядков середины или конца нынешнего века, но не в том суть. Лукавит уважаемый автор: на расплывчатое «начало века» Совет атаманов отнюдь не ориентировался, он четко определил: организационные структуры казачества максимально приблизить к существовавшим до переворота 1917 г. На тот момент, напомним, ненавистный институт наказного атамана был уже упразднен, а время Штокманов и Троцких еще не наступило. Почему же этот период краткого расцвета казачьей демократии нынешний «демократ» В.Н.Зубков именует «антиисторией»?

Помнится, в канун 2-го Большого Круга кто-то предлагал Зубкова в атаманы, да так дипломатично, что не понять - в шутку или всерьез. Казаки допытываться не стали, оценили как хохму - рассмеялись дружно. Видно, не случайной была та дипломатичность, коли и сам Владимир Николаевич на Кругу стремился «причлениваться» к казачеству. «А из каких ты казаков?» - спросили его. «Господа казаки, судите сами! Родился на Тамбовщине, жил среди казаков на Тереке...» Оценили, как хохму, смеяться, чин уважая, не стали, - головами покачали...

Прямой путь в атаманство был отрезан, оставалось или создать что-то великое, подобное «Энеиде» И.П.Котляревского (в благодарность за нее запорожцы пригласили писателя в атаманы), или получить от Москвы должность наказного атамана. С тех пор много пишется

Владимир Николаевич, так и ждешь, что выйдет из-под пера его Великая Энеида, а выходит великая спесь и чванство, и так и слышишь припев: дайте должность наказного - атаманом быть желаю! Отсюда и нелюбовь к весне 1917 года, упразднившей наказное атаманство.

А то, бывает, выходят из-под пера его пасквили на казачество, и их публикует «часть средств массовой информации». «Молот», например, - самая близкая от казачества газета, но и она не далее как в мае обнародовала его статейку с утверждениями, что современное казачество - это «охлос», готовый завтра воевать против тех, кого сегодня защищает, и т.п. Стали бы казаки отповеди писать, но ни с какими их доводами автор пасквили не соглашается. Но в глубине души знаток казачества, видно, засомневался, ибо в июле экстренно заказал социологическое исследование современного казачества, а в результате его вынужден был признать, что «картина, нарисованная частью средств массовой информации», во многом неверна! Оказалось, каждый пятый - бесспорно казак, и большинство населения пока (!) лояльно относится к возрождению казачества. Мало того, казаки вовсе не стоят на страже системы колхозного рабства, казачество в целом не агрессивно, и националистические настроения не характерны для казаков!

Но, увы, перелома в позиции нашего героя не произошло. Он вставляет «пока» в надежде, что пушечный им черный яд все же подействует. Вдруг кто-нибудь, скажем, с Хопра или с Матушки-Волги ненароком угодит в сети его хитросплетений! Вот их образец: «Казачество, как традиционная форма самозащиты русского населения, вбирает в себя наиболее активную часть народа и несет в себе мощный потенциал обновления нации и общества в целом». И замечьте, это, по В.Н.Зубкову, не риторика, а результат научного исследования!

Казалось бы, заказчику фундаментальных открытий остается только раскрасить, пасть на колени перед редакторами «Молота», «Вечернего Ростова», «Нашего Времени» с мольбой об экстренной публикации раскаяния, и начать «решать исторически справедливый вопрос о реабилитации казачества, де факто». Увы, ни

одно из этих логичных действий В.Н.Зубковым не совершено.

Он сам раскрывает причины своей дефакто медлительности. Сначала нужно дождаться наказного атамана - без него вода не осядет, субсидии не освоятся. Уже затем, как первый этап, нужны эти самые субсидии. Но и тогда еще не пора казачество возрождать: июльские исследования - капля в море, необходимо «провести комплексное научное исследование, используя весь мощный потенциал региона...». А по берегам Дона уже загода семеро с большими ложками наготове стоят, примерными тематиками помахивают. Ба, знакомые все лица! Те, что культуру нашу уничтожают, да историю извращают...

Затем нужен «всесторонний научный анализ», но «вопрос о территориальной целостности» должен быть рассмотрен отдельно (резонно, на науку надейся, а сам не плошай, коли в будущих структурах номенклатурное место не гарантировано). А после всего этого, - рекомендует автор публикации, - можно будет известным Указом Президента РФ N 632 от 15.06.92 положить в основу «подготовки комплексной программы возрождения казачества России», опять же с оговоркой, что он, дескать, «определяет стратегию долговременной перспективы» и требует подготовки ряда правовых документов, да чтоб не «без мнения всех жителей». Читатель так и не нашел того пункта, после выполнения которого позволено будет начать де-факто возрождение казачества. Если следовать зубковской схеме, много-много воды утечет еще до подготовки правовых документов. Не забудьте, потомки, учесть в них и предложения бывшего в 1992 году представителя на Дону органа бывшей в том же году высшей исполнительной власти!

Правда, предложений этих не так уж много, а все больше вопросы, вопросы... Вопросы в основном «важные», попадают и дельные, но больше - как в той ситуации с курсантом и автомобилем: куда же коня запрягать?

Было бы некорректным по отношению к Указу (да и к Президенту тоже) даже частичное повторение одиннадцати его оценок, сделанных автором публикации. Их несостоятельность в том и состоит, что Указ, вопреки сомни-

тельной зубковской схеме, уже работает, и неплохо работает! Уже создаются, регистрируются, крепнут и получают землю станичные и хуторские казачьи общества, уже вводятся казачьи формы местного самоуправления, проекты необходимых правовых документов уже опубликованы в местной казачьей прессе.

И оказалась вся публикация совершенно не нужной, со всеми ее вопросами, мыслями, умными взглядами и пронизательной способностью «предполагать о негативном отношении к казакам со стороны лиц кавказских национальностей». И все эти «честные рассказы» - лишь ширма истинных целей: навести рассеянную тень на компактный казачий плетень, подменить конструктивный вопрос референдум бесплодным, а то и навязать лишний референдум, затормозить возрождение казачества. Похоже, что именно эти цели и являются плохо скрытым лейтмотивом грандиозной публикации.

Говоря о ней, нельзя не упомянуть о вопиющем несоблюдении норм русского языка. Когда я зачитывал публикацию казакам, дружный смех прерывал меня на перлах изящной словесности. Всего их, кажется, в сентябрьском письме 5, а в июльском - целая дюжина. Чего, собственно, «без мнения всех жителей допустить нельзя» - так и не поняли. Зато все согласились с утверждением: «Незнание ситуации на местах... позволило мне сделать вывод».

Дед мой, хуторской атаман, часто говаривал так:

- Не знаешь - спроси!

Так, может быть, сермяжная ценность публикации в том и состоит, что она прекрасно иллюстрирует актуальность совета старого казака?

...А уважаемые господа в Контрольном Управлении администрации Президента России теперь могут со знанием дела приступить к учреждению должности Наказного атамана и к подготовке проекта Указа о замещении этой вакансии.

Или уже приступили?

Александр МЯГКОВ,
казачья община Аксайского юрта
Области Войска Донского

ПРЕДСМЕРТНЫЕ КОНВУЛЬСИИ ДИНОЗАВРОВ

Уходит XX век. Уходит величественно и неотвратимо. Миллионы политиков промелькнули на его небосводе. Кто вспыхнул ярким крупным метеоритом, и его ослепительный след прочертил весь небосвод, кто оставил после себя бледную крошечную вспышку. В чем же причина разной степени яркости? Конечно, можно сказать, что люди-то ведь все неодинаковые, разные характеры, разные мировоззрения. Да, это так. Но верно и то, что яркие личности в своей деятельности всегда брали за основу все здравомыслящее, что накопило мировое сообщество.

В современном мире порядочность и перспективность любого политика определяется в основном по двум параметрам: по его отношению к частной собственности на землю и по его отношению к большевизму.

Три года назад М.С.Горбачев сказал: «Я против частной собственности на землю. Идея социализма мне близка и понятна». Сказал и тем самым сразу же подписал себе как политику, смертный приговор, исполнение которого состоялось через два года. И это очень логично и неотвратимо, как заход солнца.

Пришло новое поколение политиков. Ярко вспыхнул метеорит политика Б.Н.Ельцина. Вспыхнул и, вопреки природе метеорита, не сгорел мгновенно и, будем надеяться, не скоро сгорит. Чем объяснить его яркое свечение? Скорее всего, двумя главными причинами. Первая: Ельцин всерьез намерен передать землю в частную собственность. Именно это увидели и оценили россияне, отдав ему голоса на выборах. Вторая:

благодаря его личному мужеству и нечеловеческим усилиям фактически прекратила существование террористическая организация под названием КПСС. Весь мир в течение 74 лет, израсходовав триллионы национальных валют, ничего не мог сделать с КПСС. И вот один человек буквально за один день превратил в ничто, в прах то, что измывалось над миром 74 года. А его поведение во время путча? Вот это все главное. И на этом фоне кажутся просто какими-то потусторонними, неестественными дикие шабашки красно-коричневых, открывшие призывы в парламенте и на съезде депутатов-большевиков (этих «динозавров» XX века) к возврату к ледниковому периоду. Они, конечно же, против частной собственности вообще и за возврат к социализму. Но их время прошло, и у россиян появился в конце тоннеля яркий свет.

А что же у народов республики Казахстан? Видят ли они в конце построенного большевиками мрачного тоннеля-каземата хотя бы тусклый свет? Давайте внимательно посмотрим. Вот в статье 3 знаменитого Кодекса КазССР, принятого в январе 1991 года, записано: «земля в КазССР находится в исключительной собственности республики. Купля-продажа, дарение, залог, обмен запрещаются». Это было почти два года назад. За это время мир изменился кардинально. А изменилось ли мировоззрение руководства Республики? Сейчас готовится принятие новой Конституции. В ст. 47 проекта записано: «земля, ее недра, воды и т.д. находятся в исключительной собственности республики Казахстан».

О частной собственности на землю с правом купли-продажи нигде ни слова. Так и хочется воскликнуть: господа-политики, посмотрите - какое время на дворе!

Итак, с частной собственностью все ясно. А как в Казахстане с большевизмом? Сразу после Московского путча, 9 сентября компартия быстро сама себя переименовала в «социалистическую». Указом президента все имущество компартии должно было «передано народу». Однако фактически оно было или разворовано или официально «передано новым хозяевам» - соцпартии, т.е. вчерашним компартифункционарам. Сами себе «передали». Так, например, председатель Уральского облсовета бывшей КПСС. Был разыгран спектакль с возмущением против него уголовного дела. Спектакль окончился, занавес опустился, а Мордасов спокойно продолжает сидеть в своем кресле. То же самое было и в других областях Казахстана. Гуманный все-таки у нас президент!

Сегодня в Казахстане назрела острая необходимость в проведении референдума о частной собственности на землю, по вопросу двойного гражданства и государственного двуязычия. В тех странах, где политики с доверием и уважением относятся к своему народу, в таких случаях незамедлительно проводится референдум. В Казахстане же об этом нигде ни слова. Тишина, как на кладбище. Вместо референдума руководство республики задумало очень хитроумный, как ему кажется, трюк в самых лучших традициях совкомпрошлого. По указу Президента с 13 по 15 декабря с.г. будет проведен не

предусмотренный законом так называемый «форум народов Казахстана». Цель форума - совершенствование межнациональных отношений, обеспечение духовного и гражданского согласия.

Восточная мудрость гласит: сколько не кричи - халва, халва - во рту слаще не станет. Точно также от бесконечных абстрактных призывов к согласию никакого согласия не будет. Оно будет только тогда, когда большинство станет собственниками и, особенно, собственниками земли. Никакие экстремисты, никакие демагоги-подстрекатели типа ленинских «искровцев» не поднимут собственника на бунт против законной власти, ни на какие акции против другой нации. Без полноценной частной собственности на землю не будут действовать и рыночные отношения. Собственность - это экономическая и нравственная устойчивость гражданина, это политическая стабильность и экономическое процветание государства. И те политики, которые по недомыслию или умышленно не стремятся к частной собственности на землю, сами тем самым обрекают свой народ на бедность.

Нельзя не упомянуть о том, что в этом году в Казахстане впервые в истории страны будет проведен референдум о частной собственности на землю. Это событие имеет огромное значение для Казахстана. Референдум о частной собственности на землю - это шаг к демократии. Это шаг к тому, чтобы каждый гражданин Казахстана мог сам решать свою судьбу. Это шаг к тому, чтобы каждый гражданин Казахстана мог сам выбирать своего лидера. Это шаг к тому, чтобы каждый гражданин Казахстана мог сам определять будущее своей страны. Это шаг к тому, чтобы каждый гражданин Казахстана мог сам определять будущее своего народа. Это шаг к тому, чтобы каждый гражданин Казахстана мог сам определять будущее своего государства. Это шаг к тому, чтобы каждый гражданин Казахстана мог сам определять будущее своего мира. Это шаг к тому, чтобы каждый гражданин Казахстана мог сам определять будущее своего человечества. Это шаг к тому, чтобы каждый гражданин Казахстана мог сам определять будущее своего мира. Это шаг к тому, чтобы каждый гражданин Казахстана мог сам определять будущее своего человечества. Это шаг к тому, чтобы каждый гражданин Казахстана мог сам определять будущее своего мира. Это шаг к тому, чтобы каждый гражданин Казахстана мог сам определять будущее своего человечества.

землю?? Или будут требовать двойного гражданства и государственно-двуязычия? Только безудержный фантазер может такое предположить! Так для чего же проводится форум? Ответ лежит на поверхности: документы форума в качестве «волеизъявления народов Казахстана» нужны большевистскому парламенту для того, чтобы прикрыть и протащить в Конституцию то, с чем истинный народ никогда бы не согласился на референдуме. Избитый большевистский трюк - келейно, минуя волю народа, протащить свою антинародную стряпню.

Стало как-то зябко, неуютно. Хмурое небо, ледниковый холод, тяжелая поступь, скрежет зубов.

Сограждане! Будьте осторожны! Последний отряд «динозавров» XX века вышел на тропу.

Уральский обком
бывшей компартии,
а теперь соцпартии

Член Землячества Казаков в Москве Анатолий Макарович Кайгородов в своей статье рассказывает о практически неизвестном эпизоде Российской и казачьей истории - о Россиянах в Маньчжурии, о появлении и трагической гибели под штыками Красной Армии русских поселенцев на территории Китая. Ему довелось стать очевидцем этих событий - одним из немногих, кто еще может поведать нам о судьбе казачьего Трехречья. Сам Анатолий Макарович родом из забайкальских казаков, с Аргуни (ст. Усть-Уровская), однако детство его и молодость прошли там, в Маньчжурии. Он сегодня считает, что «самые счастливые из числа бывших эмигрантов - те, кто вернулись на свою исконную землю. Что ни говори, а родной язык, родная культура...» До пенсии А.М.Кайгородов работал в Москве главным библиографом в библиотеке иностранной литературы.

Особый интерес его заметки представляют в свете постоянно обсуждающейся сейчас возможности передачи Японии нескольких островов Южно-Курильской гряды. С обвинениями России в незаконной оккупации их, упоминаниями о жестоким обращении с японскими военнопленными в сталинских лагерях мы благодаря стараниям нашей прессы знакомы хорошо. Однако, как совершенно справедливо подмечает А.М.Кайгородов, - ведь и у россиян, в таком случае, и у казаков в частности, - могут найтись кое-какие счеты к Японии. В статье, которую мы сегодня печатаем, приводятся факты уничтожения японцами казачьего отряда. Расстрелянные казаки - «пешковцы» входили в японскую Квантунскую армию и были, конечно, настоящими врагами советской власти. За что убили их - убили предельски, подло - «друзья» и «союзники»?

Власти СССР никогда не интересовались обстоятельствами гибели этих «белогвардейцев» и не ставили ее в вину японской стороне. И понятно - самим не хотелось привлекать внимание к этой теме, ведь советской стороной в том же 1945 году было уничтожено куда больше казаков и других российских эмигрантов в Северном Китае.

Однако сегодня Россия вправе, может быть, поднять этот вопрос на предстоящих переговорах в Токио? Ведь даже обыкновенных извинений казакам принесено не было японцами, не говоря уж о каких-либо компенсациях. Такая вот забота о «восстановлении исторической справедливости» в отношениях между нашими государствами!.

Ю.КРАПИВИН

А.КАЙГОРОДОВ Маньчжурия: август 1945

...Мой соученик из пограничного городка Маньчжурия рассказывал, что в полдень 8 августа он, ничего не подозревая, вышел на улицу и был буквально оглушен грохотом советских танков, ворвавшихся в город. Советские войска сразу завладели инициативой и со всех направлений устремились в глубь Маньчжурии.

...Первый отряд из русских белогвардейцев был сформирован японцами в 1937 году. Располагался он в старых казармах русской Маньчжурской армии (царской) на станции «2-я Сунгарь», недалеко от Харбина. Во главе стоял японский полковник Асано. Отряд так и называли «Асано», а тех, кто служил в нем, - асановцами. С 1944 года Асано пошел на повышение в Харбин. Его сменил русский полковник Смирнов, его заместителем стал майор Михайлов, из казаков. В штабе Смирнова был еще один майор по фамилии Наглен. Ну, а тех, кто служил в отряде, по привычке продолжали называть «асановцами».

Каждый призыв в отряд состоял из 450-500 новобранцев, преимущественно из харбинцев, с восточной ветки КВЖД, меньше из Хайлара и Трехречья (район на северо-западе Маньчжурии в бассейне рек Ган, Дербул и Хаун). Уже в 1938 году отряд использовался японцами в боях против корейских партизан, не один десяток русских парней сложил свои головы в суровых горах Чанбайшана.

В 1939 году часть отряда, примерно 250 человек, главным образом из трехреченских казаков, перебросили в район боевых действий на реке Халхин-Гол. Командиром отборного 5-го эскадрона асановцев был капитан Тырсин. Он - то, по некоторым рассказам, и командовал русским эскадром в боях на реке Халхин-Гол. Тырсин Василий Васильевич, забайкальский казак Усть-Уровской станции, первые годы эмиграции жил в Трехречье, где оставил по себе весьма недобрую память. В 1932 году, сразу же после оккупации трехречья японцами, он поступил на службу в императорскую жандармерию. В отряде «Асано» Тырсин был с первого до последнего дня. Среди этих казаков оказался один из моих родственников Сергей Артемьевич Коломыльцев. С его слов я и рассказываю.

Русских кавалеристов (причем, явно с опаской) использовали на Халхин-Голе исключительно в разведке, и в бою они были всего один раз. В голой степи на рассвете отряд из 60-70 асановцев столкнулся примерно с таким же по численности монгольским (МНР) разведком, которые приняли их за своих. Затем произошла короткая, но жестокая схватка. Казаки вырубали монголов едва ли не до последнего цирика. Одного офицера живьем доставили в расположение японской части, двое или три спаслись бегством. Сами казаки потеряли одного убитым и восьмерых ранеными. Убит был подпоручик Натаров. На русском Новогороднем кладбище в Харбине ему соорудили надгробный памятник.

18 августа 1945 года в Харбине высадились советский десант в составе 120 человек. 19 и 20 августа в город вошли главные советские силы, и сюда переместился штаб 1-й Краснознаменной армии генерал-полковника А.П.Белобородова (позднее команданта Порт-Артура). 20 августа, еще до того, как на харбинском ипподроме закончилось разоружение более 43 тыс. японских солдат, памятник Натарову был взорван. В тот же день во дворе Иверской церкви советские подрывники взорвали кресты и надгробия на могиле генерала Каппеля и его жены. 20 же августа был арестован и без промедления интернирован в СССР Арсений Несмелов (Митропольский) - едва ли не самый выдающийся поэт всего российского зарубежья. Где-то в первых числах сентября он скончался на полу камеры пересыльной тюрьмы. Несколько дней спустя была уничтожена часовенка - памятник на братской могиле российских солдат времен Русско-японской войны. Волна уничтожения кладбищ и памятников 1904-1905 годов - этих «символов царизма и российского империализма, неуместных в нынешней обстановке», как говорили там, прокатилась по всем местам, где были такие символы. Особенно много их было под Мукденом, где армия Куропаткина грудь в грудь сплестулась с армиями Оку и Нодзу.

Чаще уничтожали их не советские солдаты, а китайцы, разумеется, с разрешения советских властей. И, видимо, не случайно советский писатель Михаил Колесников в своей «Маньчжурской тетради» высмеивал японцев за традицию беречь, сохранять кладбища, часовенки, церквушки - все памятники доблестным воинам России. На сопках маньчжурских не спит больше русский солдат и горя Россия он слышать не может - прах его взорван, развеян.

Следом начались повальные аресты асановцев.

Рассказывали, что полковник Асано, узнав об арестах и депортации в Советский Союз своих бывших солдат, добился разрешения явиться на «2-ю Сунгарь». Там на учебном плацу он совершил «харакири», оставив на свитке собственноручную эпитафию: «Смертью своею вину перед вами искупаю».

...Второй русский отряд был сформирован в Хайларе не то в 1939, не то в 1940 году. Во главе его стоял казачий полковник Пешков Иван Александрович. Отряд называли «Пешковский», а тех, кто служил в нем - «пешковцами». Призыв состоял примерно из 250 новобранцев, преимущественно из Трехречья, Хайлара и других районов по западной ветке КВЖД. Когда я учился в хайларской гимназии, часто заходил в одну из казарм, доступ в которую был разрешен. Там я встречался со своими земляками, при мне денщиками-коневодами полковника Пешкова служили мои поселышки из Дубовой, сперва Андрей Башуров, его сменил Александр Первухин.

По свидетельству ветеранов обоих отрядов, никакой мобилизации резервистов в январе 1945 года не было и численность отрядов до 1500 человек, как уверяют некоторые историки, не доходила. Что касается расформирования в ответ на неоднократные требования СССР, то оно действительно было, но продолжалось оно и в августе 1945 г. Расформирование «Пешковского» отряда шло еще медленнее. Часть из них отправили в Трехречье на заготовку бересты (из нее японцы умели выработать жидкое топливо), часть осталась в казармах.

И.А.Пешков внес, между прочим, определенную «поправку» в хронологию гражданской войны в Забайкалье. Официально она так закончилась в 1922 году. Но вот пришел 1932-й год (мне было пять лет), и я хорошо помню, как через нашу деревню проследовали 2 сотни дух Иванова - Ивана Пешкова и Ивана Аксенова, наводя ужас и сея смерть среди поселенцев Трехречья. За несколько лет до этого через деревню Щучья проследовала сотня еще одного Ивана - Ивана Игнатьевича Зыкова. Это были «последние из могикан» - остатки разгромленных частей атамана Семенова, Унгерна, Бакича, Калмыкова, и других вожак белого движения. До предела взвинченные неудачами и бесперспективными боями, эти до зубов вооруженные люди вели себя буйно, часто затевали драки и пьянствовали.

Часть из казаков осела в Трехречье, часть проследовала дальше - к Хайлару, в глубь Барги. Потом между командирами сотен началась вражда. Иван Аксенов и почти все его казаки были уничтожены пешковцами и зыковцами. Пешков начал сотрудничать с японцами, Зыков отошел от политики. По хайларскому тракту (в районе речушки Шиверту) он основал постоянный двор, обзавелся крупным хозяйством; в 1944 году перекочевал в Хайлар. В августе 1945 года был арестован и расстрелян в Хайларской тюрьме.

Из аксеновцев дольше других живым оставался есаул Размахнин - в недавнем прошлом заместитель командира сотни Ивана Аксенова. Имени его не помню, но колоритную внешность бравого казака двухсаженного роста, всегда подтянутого, опрятного, неизменно в традиционной казачьей форме, представляю и сейчас. Вторично в Дубовой он появился в 1933 году. Женится на Наде Кармадоновой и стал понемногу хозяйствовать, постоянно имея при себе берданку.

...Беда нагрянула в августе 1935 года. Пешковцы и зыковцы о нем не забыли. Очередь на помол пшеницы пришла на ночное время. Размахнин был один. Под утро на мельницу ворвались несколько хорошо вооруженных людей и буквально в куски изрубили есаула клинками. Было ясно, что Размахнина убили его политические противники, но в то время никого это не интересовало. Убийц даже не пытались искать.

Мельница, на которой произошла трагедия, принадлежала обрусевшему эстонцу Александру Кирилловичу Тидеману.

Каково же было удивление жителей Дубовой, да и всего Трехречья, когда с приходом Красной Армии в 1945 г. стало известно, что А.К.Тидеман долгие годы был резидентом советской разведки в Трехречье. От советской комендатуры ему в качестве награды за опасную работу было передано трофейное имущество японской торговли-промышленной фирмы «Тонмо боеки коси» («Манью тиксан кабусики кайся») в виде домов и сельскохозяйственного инвентаря. Пользоваться полученным добром пришлось недолго. Вскоре после ухода из Трехречья советских войск (1946 г.) китайские власти отняли сперва все дома (в одном из них обосновался райком партии, в другом - суд), а вскоре и все остальное имущество. Умер Александр Кириллович в 1978 году, под

конец окончательно спившись. Похоронен в Иркутске.

...9 августа 1945 г. оставшихся пешковцев японцы погрузили в вагоны, с ними человек сто японских солдат и примерно столько же маньчжурских. На станции Бухэду пешковцев неожиданно выгрузили (перед погрузкой японский офицер объяснил, что они едут до станции Якешу), только трое рядовых и два старших унтер-офицера - Спиридон Нерадовский и Григорий Золотарев проследовали с эшелоном дальше. Выйдя за станционный поселок (вместе с ними все тот же японский офицер со знанием русского языка), пешковцы, составив оружие в козлы, расселись завтракать. В этот момент со стороны станции показались пешие японские и маньчжурские солдаты, а с противоположной стороны небольшой японский кавалерийский отряд. Заместитель Пешкова Борис Зимин стал советовать полковнику, чтобы тот приказал вернуть оружие. Пешков счел это глупостью и в ответ только засмеялся. А пешковцев связали веревками по несколько человек вместе и расстреляли из станковых пулеметов. Раненых маньчжурские солдаты добились штыками. Голову казачьему полковнику, уже мертвому, самурайским мечом отрубил японский капитан. Точное число убитых не знаю. Николай Тарбагаев - бывший пешковец, со слов которого я рассказываю, приводил цифру в сто с лишним человек.

Вечером после расстрела один русский крестьянин из станционного поселка, возвращаясь с покоса, наткнулся на страшное возе. Пахло порохом и кровью, доносились стоны. Несколько китайцев прятались в ближние кусты. Одного из раненых, который просил воды и пытался пригнать, крестьянин взывал на телегу. Несколько солдат были уже раздеты донага спрятавшимися мародерами. Некоторые продолжали стоять. Вторично заехать на поле крестьянин не смог, так как в поселке появилась советская мотопехота, а утром оттуда раздавались автоматные очереди. Казаков, не добытых японцами и маньчжурами, достреливали - как трудно писать! - русские.

Спасенный крестьянином, несмотря на тяжелое ранение, начал быстро поправляться. Им оказался житель Трехречья Андрей Пешков (однофамилец командира). И очень возможно, что он благополучно вернулся бы домой, если бы не случил. Пришли «братья» хозяина. Люди из СМЕРШа обратили внимание на молодого человека с пулевыми и штыковыми ранениями. Задно прихватили и его, пообещав после осмотра и перевязки скорое возвращение... В 1949 году один из трехреченцев-эзков встретился с ним в лагере на Северном Урале. «У него другого разговора, кроме как расстрела пешковцев, не было», - написал он мне. Выжил ли Андрей, не знаю.

...На станции Чжаланьтун эшелон с японскими солдатами и следовыми вместе с ними пятерыми пешковцами был перехвачен советской мотопехотой и быстро разоружен. Среди советских оказалось с десяток пешковцев, незадолго до отправки эшелона перебежавших из отряда. Среди них был и старший ефрейтор Николай Тарбагаев. Он неоднократно бывал у меня в Москве, много рассказывал, в частности историю с С.Нерадовским и Г.Золотаревым. Их допрашивал СМЕРШ. Они с самого начала упорно молчали. К ним в камеру посадили Тарбагаева и еще одного казака, чтобы уговорить не упрямиться и отвечать на вопросы офицера, обещали немедленно отпустить домой. В камере ничего хорошего, кроме драки, не произошло. На очередном допросе они продолжали упорно молчать. Тогда их вывели в поле и расстреляли.

Расстрелянные в Чжаланьтуне старших унтер-офицеров я знал хорошо. Они бывали в нашей деревне, оба щеголяли с самурайскими саблями на боку. Ношение таких сабель, кстати, свидетельствует о том, что и «Пешковский» отряд относился к Квантунской армии, ни один офицер армии Маньчжоу-Го не носил самурайского меча.

Тарбагаев и его друзья дошли до Харбина. Он был награжден медалью «За победу над Японией» и еще какими-то отличиями. На мой вопрос, какую награду он получил за то, что стал перебежчиком, Тарбагаев ничего не ответил, но и не обиделся. Возможно, их поступок и послужил причиной расстрела оставшихся пешковцев?! Умер Тарбагаев членом КПСС, занимая важный пост на одном из заводов в Красноярске.

В 1946 году после ухода советских войск из Маньчжурии по убитым пешковцам была отслужена панихида (до того советская комендатура запрещала ее).

Что принес август 45-го многочисленной российской эмиграции? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Но если уж рубануть с плеча, ответить сразу и на все одним махом - российская эмиграция целиком исчезла, точнее была сметена с лица Маньчжурии. С насильственным мест, с наложенных хозяйств были сорваны и рассеяны по белу свету сотни тысяч людей, и все это не по доброй воле. Стало ли лучше им на новом месте?

Сколько русских проживало в Маньчжурии, сколько по всему Китаю к августу 1945 года? На этот вопрос дать ответ не так-то просто. В те не столь давние времена, в Маньчжурии и особенно в Китае проживало много русских. Жили они в ряде крупных городов Китая, а в городах Маньчжурии - в каждом. В Маньчжурии большинство их проживало в Харбине, Мукдене, Чанчуне, Далае, Цицикаре, Мулине, Му-

даньцзене, Хайларе и др. Много русских проживало в пристанционной полосе восточной и западных веток КВЖД, в центральной и северной Барге. Только в Трехречье довольно компактно проживало более 15 тыс. человек. Там насчитывалось 19 чисто русских деревень и сел. В западных отрогах Большого Хингана жили русские староверы. Много русских проживало в Синьцзене. Там и сейчас их несколько тысяч. По моим подсчетам на начало августа 1945 года в Маньчжурии проживало около 450 тыс. российских эмигрантов всех «волн», но и эти данные не следует считать бесспорными.

Трагична была судьба репатриантов 35-го года. Уже в Советском Союзе я встречался со многими кэвэждинцами (эзковский юмор: там их звали «ка-эжэждинцами», от «КРЖД» и «КВЖД»). По их рассказам, куда хуже, чем взрослые, пострадали их дети. Их, детей «контрреволюционеров и японских шпионов», отлучив от родителей, свозили в спецлагеря и в спецдетдома. Многие из них никогда не увидели своих родителей и так ничего и не узнали про них. С августа 45-го жизнь российского эмигранта в Маньчжурии потекла по календарю с экзотическим знаком «СМЕРШ». Судьба их стала целиком зависеть от решений, практических действий и просто настроений офицеров из НКВД. Были арестованы и интернированы в СССР вожди белой эмиграции генералы Семенов, Власьевский, Бакшеев, ее активные деятели Родзевский, Шепунов, Охотин, Михайлов, Ухтомский. Это, так сказать, киты, а рыба помельче катилась к родным берегам целыми составами из телечных вагонов. Трудно сказать, сколько новых десятков тысяч (после кэвэждинцев) пополнили ненастный ГУЛАГ, еще труднее сказать, сколько из них выжили, уцелели.

Что касается Семенова и других активных деятелей эмиграции, то судьба их общеизвестна. Две дочери и жена атамана стигнули в лагеря Колымы.

В 1951 году летом я проходил языковую практику в управлении ЮМЖД в городе Дальнем. Там познакомился с пожилой женщиной-счетоводом (кажется, ее звали Елизавета Михайловна), которая в свое время была в близких отношениях с семьей атамана (он жил в Дальнем). Она рассказала о последних днях его на свободе и об обстоятельствах ареста.

Как только началась война, японцы не раз предлагали Семенову специальный катер для бегства на юг Кореи, но он категорически отказался. Все последние дни был бодр, а когда в город начали прибывать эшелоны с советскими войсками, одел генеральскую форму, ордена, нацепил шапку и, попрощавшись с семьей, поехал на извозчике на вокзал. Никому из своих не разрешил себя сопровождать, поехала с ним только Елизавета Михайловна.

Как раз прибыл эшелон. На перроне Семенов подошел к одному из офицеров (тот, по словам старушки, был навеселе), и взыв под козырек громко представился: «Я - Семенов!». Офицер от неожиданности захлопал глазами, попятился и вдруг дико заорал: «Оружие!»

Елизавета Михайловна видела, как атамана окружили, отняли шапку, прощупали карманы. Появились люди с паязками на рукавах. Атамана, подталкивая в спину дулами автоматов, увели. Через два дня женщина все-таки разыскала и в последний раз повидала его. Он был помещен в политическую тюрьму и находился в камере, похожей на клетку средних размеров. Офицер, проводивший ее, ехидно улыбаясь, проговорил: «Раньше он в клетке сажал, теперь мы его посадили». На генерале были грязные китайские штаны, такая же куртка. Он был босой. На лице и через расстегнутую куртку были видны следы побоев. Говорит с ним не разрешили, да и вряд ли он мог что-то сказать. В передаче тоже отказали. Остается только добавить, что за несколько дней до ареста белого атамана на станции Барим (западная ветка КВЖД) были расстреляны два русских пастуха за то, что плодили и бергли семеновских лошадей, а главное, не проявили большой радости при экспроприации табуна. Вдобавок пытались утаить несколько коней. Двое других - ветврач и выездчик конюх были арестованы и интернированы в СССР как подручные лютого врага советской власти.

Репрессии начались буквально с первых же дней или даже часов появления советских войск и проходили буквально везде, где они появились. В Харбине, этой признанной столице российской эмиграции, уже в первые дни были разгромлены редакции крупнейших русских газет «Харбинское время» и «Заря» (они были куда многостраничнее, чем любая советская газета), журнал «Рубеж». Очевидцы свидетельствуют, что в городе Маньчжурия (на западе) и на станции Пограничная (на востоке) эшелоны с арестованными русскими стали проходить через пограничные пункты намного раньше, чем эшелоны с японскими военнопленными.

По восточной и западной веткам КВЖД, а также ЮМЖД подчистую забрали всех, кто в 1935 г. отказался добровольно вернуться на родину. Многие из них, если не большинство, уже не работали на железной дороге, занимались сельским хозяйством (преимущественно молочным), торговлей, разводили пчел. Их обвинили в измене родине, и все они, хоть и с «опозданием», угодили в тот же ГУЛАГ, что и вернувшиеся добровольно в 1935 г. Их хозяйство нещадно потреляла война: лошадей экспроприировали для нужд армии, коровы (в том числе молочные) нередко попадали в солдатские котлы.

О репрессиях в Трехречье следует сказать особо. Этот район заселяли преимущественно забайкальские казаки, бежавшие в Маньчжурию в годы гражданской войны. Часть поселенцев составляли беженцы - так называемые «тридцатники». Это те, кто здесь нашел приют, спасаясь от насильственной коллективизации в Сибири и в Забайкалье в 30-е годы. Арестован и интернирован был каждый четвертый взрослый казак, а «тридцатники» подметены были едва ли не подчистую. Их обвиняли во «вредительстве против колхозов».

Таким вот жестоким для многих из российской эмиграции в Маньчжурии оказался август 1945 года. Страшными были репрессии. Не менее страшен сам факт полного исчезновения русских из Маньчжурии, а вместе с ними русской культуры, всего русского наследия в этом обширном регионе. В последней, если не исключительно, то в большей степени, ответственность лежит и на китайской стороне. В Харбине, почти русском в свое время, осталось менее двух десятков русских - советских граждан. В Трехречье, уже не «почти», а целиком русском в свое время, проживают только трое русских: два брата Половниковы и Поля Ельчина.

М.П. АСТАПЕНКО

«ПОСЛЕДНИЙ ВЫРАЗИТЕЛЬ ДУХА КАЗАЧЕСТВА...»

Очерк о жизни и творчестве поэта казачьего зарубежья
Николая Николаевича ТУРОВЕРОВА (1899-1972 гг.)

Имя российского донского поэта, журналиста, историка и издателя Николая Николаевича Туроверова мало известно на его родине, на Дону и в России. А между тем это был видный деятель культуры русского зарубежья, пять томов произведений которого (только поэзии) говорят о масштабах его творчества и незаурядности самой личности Николая Туроверова.

Родился Н.Н. Туроверов на Дону, в станице Старочеркасской, в марте 1899 года в семье казака. С детства полюбил он узкие улочки «Старого Черкаска», прикипев душой к его старинному собору, к полевой степи вокруг древней казачьей столицы. Ярко и точно воспроизводит он живописную картину «средневекового Черкаска» в своем стихотворении «Старый город»:

На солнце, в мартовских садах,
Еще сырых и обнаженных,
Сидят на посланных коврах
Принарядившиеся жены
Последний лед в реке идет
И солнце греет плечи жарко;
Старшинским женам мед несет
Ясырка - пленная татарка.
Весь город ждет и жены ждут,
Когда с раската грянет пушка,
Но в ожидании там и тут
Гуляет пеннистая кружка.
А старики все у реки
Глядят толпой на половодье, -
Из-под Азова казаки
С добычей приплывут сегодня
Моя река, мой край родной, -
Моих прабабок эта сказка
И этот ветер голубой
Средневекового Черкаска.

Многопластовая, уникальная история Черкаска, более 160 лет бывшего донской казачьей столицей, манила, притягивала поэтическую натуру Николая Туроверова, который признается, что

Мы плохо предков своих знали
Жизнь на Дону была глуха -

и вспоминает свою «прабабку в лучшей шали», которую «зрел... в достойном блеске старочеркасский богомаз», а детские впечатления и много лет спустя не стерлись в памяти, и он вспоминает, как

Паслись на площади телята
И к Дону шумною гурьбой
Шли босоногие ребята,
Ведя коней на водопой;
На берегу сушили сети;
Качал баркасы темный Дон;
Нес по низовью влажный ветер
Собора скудный перезвон.

А то вспоминает он,

Был мальчиком. И тетка-старуха,
Казачьей гордостью стариной,
Проколола мне левое ухо
Тмутараканской серьгой,
Рассказав о серье Святослава,
Про Саркелы - хазарскую биль -
Что лежит по-над Доном направо,
Где теперь лишь полынь да ковыль.
Но такая ль попала к татарам,
От татар перешла к казаку
И досталась ахтырским гусарам
Да второму Донскому полку?

Беззаботное детство Коли Туроверова кончилось грозным летом 1914 года, разразилась Первая мировая война, круто изменившая судьбы России, Дона и его личную судьбу. Вспоминая те дни, он писал в стихотворении «1914 год»:

Казаков казачки проводили,
Казаки простились с тихим Доном.
Разве мы - их дети - позабыли
Как гудел набат тревожным звоном?
Казаки скакали, тесно стремя
Прижимая к стремени соседа.
Разве не казалось в это время
Неизбежной близкая победа?
О, забываемое лето!
Разве не тюрьмой была станица
Для меня и бедных малолеток,
Опоздавших вовремя родиться?

Поскольку на фронт его не брали, Туроверов пошел учиться, поступив в Каменское реальное училище, не забывая напоминать начальству о своем желании попасть на фронт. Закончив училище, он был определен вольноопределяющимся в лейб-гвардии Атаманский полк.

Покидал я родную станицу,
На войну уходя, наконец,
На шипы подковал кобылицу
У моста наш станичный кузнец.

По-иному звенели подковы,
И казачки глядели мне вслед.
И станица казалась новой
Атаманцу семнадцати лет.

Ах, отцовские горькие думы,
В полумертвом спокойствии мати!
Я в свои переметные сумы
Положил карандаш и тетрадь.

Воевать Туроверову пришлось на Волыни, где в это время стоял Атаманский полк. Шел 1917 год, война истощила страну и людей, готовых от невзгод и тягот на яростный социальный

взрыв. Все это видел Туроверов, тяжелые предчувствия томили молодую душу:

Понависли по-над Доном тучи, -
Разгулялся ветер низовой,
Не водою, а слезой горючей
Хлынет дождь из тучи грозовой...

...Октябрьский переворот кинул истощенную Россию в пучину братоубийственной гражданской войны. Фронт развалился, казаки неуправляемыми толпами хлынули на Дон. Вместе со всеми вернулся домой и Николай Туроверов, устроившись в Новочеркасском военном училище.

...Гражданская война тем временем набирала губительные обороты, и Туроверов в отряде знаменитого есаула Чернецова вынужден был участвовать в этой братоубийственной войне:

С утра мы бились с конницей - на север,
Потом на юг - с пехотой дрались, - писал он о тех тяжелых днях.
А затем был беспримерный по тяжести Степной поход - одно из тяжелейших испытаний, выпавших на долю Туроверова.

Дымится в Задоньи, курится
Седея февральская мгла.
Встает за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь
И где-то правее - Корнилов,
В метелях идущий на смерть.
Запомним, запомним до гроба
Жестокою юность свою,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали все, что имели,
Тебе восемнадцатый год
Твоей азиатской метели

Степной - за Россию - поход, - вспоминал он позже зиму 1918 года.

Уже будучи офицером (подъесаулом), Николай Туроверов прошел всю гражданскую войну, получив четыре ранения и, попав в конце войны в Крым, где укрепились последние силы белой армии.

Нас было мало, слишком мало, - с горечью констатировал Туроверов в поэме «Шеркоп», -
От вражеских толп темнела даль;
Но твердым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь
...В железном грохоте разрывов
Вскипали воды Сиваша
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шел в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак...

Борьба шла с переменным успехом, но судьба отвернулась от белых воинов: красные дивизии раздавили их последние силы. Пришлось отступить... Сгоречью писал об этом Николай Туроверов:

В эту ночь мы ушли от погони,
Расседлали своих коней;
Я лежал на шершавой попоне
Среди спящих усталых людей.
Я запомнил и помню донные
Наш последний российский ночлег,
Эти звезды приморской пустыни,
Этот синий мерцающий снег.
Стерегло нас последнее горе, -
После снежных татарских полей, -
Ледяное Понтийское море,
Ледяная душа кораблей.

В холодные ноябрьские дни рокового 1920 года началась эвакуация остатков армии генерала Врангеля из Крыма. Вместе со всеми покидал Россию и Николай Туроверов. Надежно, навсегда! Это были жутко-незабываемые мгновения, печать которых поэт носил в своей душе всю свою некороткую жизнь:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилой
Ожидали мы в бою...
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо.
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Так донской казак Николай Туроверов оказался на чужбине: сначала на Лемносе, потом в Югославии и, наконец, во Франции - навсегда... Тяжела доля эмигранта, и эту тяжесть в полной мере испытал на себе Николай Туроверов, работавший и лесорубом в Сербии, и мукомолом в Париже, и грузчиком в других городах Франции. Но он еще успевал посещать Соробонну, работая над очерками, статьями и стихотворениями. Печатались Туроверов начал с 20-х годов. Сначала в казачьих изданиях «Родимый край», «Казачий сборник», «Казачьи думы», «Казачий сполох», «Казачий журнал», а потом и общеэмигрантских: «Россия», «Возрождение», «Современные записки» и ряде других, в основном, парижских, изданий.

В 1938 году Туроверов становится одним из организаторов «Кружка казаков-литераторов», выпустив год спустя иллюстрированный «Казачий альманах». Как автор весьма интересных работ по истории Дона («Иностранцы сказания о взятии казаками Азова», «Казаки в изображении иностранных художников», статей о Платове, Бакланове и др.), Туроверов стал одним из основателей «Общества ревнителей русской военной старины». Авторитет его в этой области был столь высок, что французское историческое общество «Академия Наполеона» попросило его редактировать специальный ежемесячный сборник, посвященный Наполеону и казакам. К его помощи обращались историки и писатели Франции; так, Туроверов помог писателю-историку Г.Саванту в написании книги «Les Cosaques» («Казаки»).

Когда в 30-е годы в Париж были доставлены чудом сохранившиеся после Новороссийской эвакуации ящики с музейным имуществом лейб-гвардии Атаманского полка, Туроверов, как «атаманец», стал хранителем музея при созданном тогда же «Объединении атаманцев», собрав при нем весьма интересную библиотеку и коллекцию старинных гравюр.

С началом II-й мировой войны Николай Туроверов пошел сражаться с фашистами в составе I-го кавалерийского полка французского Иностранного легиона. После окончания войны Туроверов возвратился в Париж, став одним из инициаторов создания «Казачьего Союза», секретарем которого первоначально становится при председателе докторе Чекунове. С 1947 по 1958 год он возглавляет «Казачий Союз» в качестве его председателя. «Союз» много делал, стремясь помочь казакам устроиться на работу, получить нужные документы или выехать в другую страну.

По инициативе Туроверова и под его редакцией с сентября 1950 года начинает выходить газета «Казачий Союз», распространявшаяся немалым для газет такого типа тиражом в две тысячи экземпляров. Николай Николаевич был одним из основателей журнала «Родимый Край», выходившего с 1954 года. Одновременно он публикуется в казачьей периодике Парижа, а также в американской прессе, в частности в нью-йоркском «Новом журнале».

Усилиями Туроверова и возглавляемого им «Казачьего Союза» в кафедральном соборе Парижа была установлена созданная на казачьи средства икона Покрова Пресвяты Богородицы, как память о вынужденном пребывании донцов на чужбине. Популяризируя историю России и казачества во Франции, он устраивает выставки «1812 год», «Суворов», «Казаки».

В 1965 году Н.Н. Туроверов вышел на пенсию, но литературного творчества не бросил. Его мысли снова уносятся на берега милого Дона, в станицу Старочеркасскую, где прошли детство и отрочество...

Больше ждать и верить и томиться,
Притворяться больше не могу.
Древняя Черкаска станица, -
Город мой на низком берегу
С каждым годом дальше и дороже
Время примириться мне с судьбой.
Для тебя случайный я прохожий,
Для меня, наверно, ты чужой.

Все чаще болезни укладывают его в госпиталь, все чаще посещают его мысли о смерти, о сборах в последний путь...

Пора, мой старый друг, пора, -
Зажились мы с тобою оба.
И пожилые юнкера
Стоят навтыжку у гроба.
Им также надо отдохнуть,
Нельзя терзать людей без меры.
Скажи из гроба: в добрый путь,

Законченные офицеры, - пишет он в одном из стихотворений и мечтает о том, чтобы его похоронили на Дону, в родной станице Старочеркасской. Это свое непреходящее желание он выразил в стихотворении в прозе: «Не с сложенными на груди, а с распростертыми руками, готовыми обнять весь мир, похороните вы меня. И не в гробу, не в тесной домовине, не в яме, вырытой среди чужих могил, а где-нибудь в степи поближе к Дону, к моему станице, к Старому Черкасску, на уцелевшей целине; меня в походной форме положите родного Атаманского полка. Кушак на мне затяните, чтоб грудь поднялась будто для вдоха о том, что на свете хорошо... И сыпьте землю, не жалейте: земля к земле и к праху прах! Мне положите в голову все то, что я написал когда-то, чем жил во сне и грешил наяву... И крест из камня дикого поставьте, курганчик новый крепко утопая, чтоб Дон, разлившись по полю водою, его не смыл, а только напоил. И по весне на нем веселым цветом начнет цвести лазоревый цветок, приляжет отдохнуть уставший от скитаний, бездомный чебрецовый ветерок».

Смерть стояла за спиной: 23 сентября 1972 года Николай Николаевич Туроверов скончался в парижском госпитале Ларибуазер и был похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев рядом со своей женой Юлией Александровной и поблизости от могил офицеров Атаманского полка генерала Каргальского и есаула Кумшацкого. Похороны были торжественны, - писал один из биографов Туроверова, - много народу приехало на кладбище отдать последний долг усопшему - весь сад перед кладбищенской церковью, в которой был совершен чин отпевания, был заполнен людьми, несмотря на то, что похороны были в рабочий день. Было большое количество венков. Около гроба непрестанно сменялись почетные часовые из его сослуживцев, почитателей и родственников, они донесли его гроб до могилы».

Николая Туроверова называли «поэтом талантливейшим», «любимым и... последним выразителем духа мятежной ветви русского народа - казачества», и сейчас, когда возрождается казачество, Россия, символично, что к новой жизни возрождается творчество Николая Николаевича Туроверова. Пора издать его собрание сочинений в России и выполнить его последнюю волю: похоронить на Дону, в Старочеркасской, ведь он любил Россию и Дон, всю жизнь воспевал их и стремясь возвратиться в милые сердцу края...

Из архивов казачьего зарубежья

И.П.БУДАНОВ: КАЗАКИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Во второй половине 50-х годов в Париже вышли одна за другой пять небольших книг под общим названием «Дон и Москва». Издал их на свои средства и пожертвовавния казаков зарубежья И.П.Буданов.

Имя Ивана Платоновича Буданова было достаточно хорошо известно на Дону до 1919 года, а затем в среде казачьего зарубежья. Выпускник юридического факультета Московского университета, присяжный поверенный И.П.Буданов, казак станицы Федосеевской Верхне-Донского округа, в 1918 году был избран от родной станицы депутатом Донского Войскового Круга, и в 39 лет стал его секретарем.

В эмиграции И.П.Буданов работал присяжным поверенным в одной из частных адвокатских контор в Париже. В 50-е годы он являлся членом Правления «Казачьего Союза», на свои средства издавал «Казачий Исторический Сборник».

Предлагаем небольшой по объему, но весьма емкий по содержанию отрывок, фактически заключение, из изданной И.П.Будановым в 1957 году 5-й книги «Значение казаков в жизни России».

«...Если проследить историю Московского царства во времена ее политических кризисов и вообще во времена крупных событий, которые происходят, разумеется, не каждый год, то можно заметить тот факт, что всякий раз тот, кто опирался на казаков, выигрывал, и тот, кто шел против них, рано или поздно сам был обречен.

Борис Годунов яро пошел против казаков и в конечном счете погиб, потому что казаки пошли против него.

Алехандрович сначала оперся на казаков и был коронован Московским царем; но по лукавому совету бояр он распустил их и, когда он понял свою ошибку, то было уже поздно - Алехандрович погиб.

Дворянское ополчение, в Смутное время, было непримиримо настроено против казаков - «отнюдь... не стайвать», однако без них ничего не сделало.

Династия Романовых была возведена казаками, но со временем она стала уклоняться от них и оказалась уничтоженной.

В революцию 1905 года царское правительство удержалось благодаря опять-таки казакам.

Нечто подобное произошло и в эту Смуту.

4-7 июля 1917 года при первой попытке большевиков Временное Правительство имело на своей стороне казаков, и оно удержалось у власти; при втором же восстании, в октябре, большевики сумели заручиться нейтралитетом казаков, и Временное Правительство пало, но надо сказать, что в самый критический момент, когда положение можно еще было спасти, пытались телефонировать казакам, но было уже поздно.

Один из членов Временного

Правительства, Смирнов, когда их, арестованных, вел отряд рабочих под командой Авсеенко через площадь, которая была пуста, то он, видя этот отряд, подумал, как он писал в своих воспоминаниях по этому поводу: «если бы сюда сотню казаков, то вся эта банда была бы разогнана».

После подавления восстания 4-7 июля 1917 года донские казаки говорили: «никто никогда не приходил к нам из властей, ничего не сказал, за что мы, собственно, должны умирать?».

В октябре того же года казаки уже не выступили.

А результаты восстания большевиков опять могли бы быть другими.

Таким образом, достижение большевиками власти произошло в силу воздержания казаков от противодействия им, что лишний раз подтверждает силу и значение казаков во внутренней российской жизни.

Большевики, учтя этот истори-

ческий факт, после прихода к власти, с необычайной яростью накинулись на их истребление, запретив даже самое слово «казак».

Но не постигнет ли и самих большевиков та же участь?

Добровольческая армия могла создаться только благодаря казакам, давшим ей возможность сформироваться; казаки не должны были даже спрашивать, на что, на какой предмет она их употребит; казаки, в интересах дела, в военном отношении подчинились ей, но когда Добровольческая армия пошла против казаков, она погибла, а вместе с тем погибло и само дело, борьба с коммунизмом, дело, во всем мире впервые начатое казаками...».

В этом отрывке И.П.Будановым словно спрессованы почти три столетия из российской истории - с начала XVII до начала XX столетий. Россия сегодня, к сожалению, не та, что в начале XX века, и не то, физически пораженное и во многом духовно опустошенное, казачество. Однако, процесс их возрождения начался, и очень хочется надеяться, что из уроков прошлого ныне будут извлечены и реализованы должные выводы. И Россией, и казаками.

К.ХОХУЛЬНИКОВ,
г.Ростов-на-Дону

Невыдуманная история

КАК НАШИ БАБУШКИ ЛЮБИЛИ...

Листая в музеях и библиотеках пожелтевшие от времени газетные страницы, перебирая тома книг, словно переносишься на десятки и сотни лет назад. Узнавая о людях, чьи судьбы отразились на этих страницах, иногда находишь удивительное...

Вот какую рождественскую историю середины прошлого века подарили старые архивы в газету «Кубанские войсковые ведомости».

Анапа - городок маленький, захолустный; на станицу похожий. Церковь да ворота турецкие, от крепостной стены оставленные, да горожан дома горошинами разбросаны. К России четверть века назад отошла навсегда и полностью, по договору мирному, Адрианопольскому.

На улице Нижегородской, в честь освобожденного полка прозванной, дивчина жила. Акилина Серебрянская, восемнадцати годов от роду. Красива была: брови стрелами вразлет черными, коса русая ниже пояса, щеки так и горят пламенно. С семьей в Анапу недавно приехала, в аккурт перед Крымской кампанией. Батюшка ейный, лекарь войсковой, к тому времени помер, осталась Акилина с матушкой. Сбережения кой-какие остались, да пенсию исправно получали, так и жили.

В ту пору в Анапе полк казачий стоял расквартированный. Полк геройский, в боях потрепанный. Дважды лично царем отмеченный. Ржали по улицам кони, на водопой водимые, казаки чубами ветряхивали, на девчат анапских поглядывая.

К Серебрянским на постой сотника казачьего определили. Молодой, горячий, с румянцем во всю щеку. Однако, видно не из трусливых и в бою за спины товарищей не прятался - крест имел за кампанию Крымскую. Да рука на перевязи висела, прострелена была пулей аглицкой.

Сотника Григорием кликали. Поселили его в горницу светлую, дали перину пуховую, отдыхай герой, покою радуйся.

Акилина в сердце сотника сразу запала. Ни до покоя тут, ни до отдыха. Куда ни глянет сотник, всюду глаза голубые ее мерещатся. Глаза голубые, да на щеках ямочки. И робел герой, в бою простреленный, за столом пары слов связать не мог, старшей хозяйкой потчуетый. Лишь взгляд огушкой долу, пирогами сладкими рот набивая. Ох, любил Григорий сладкое! Матушка его, вдова подполковничья, за Екатеринодаром, на хуторе жившая, мастерица на сладкие пироги была, сына угощать любила.

Сотник молодой Акилине тоже по душе пришелся. Да виду не подавая, не растаяла. Лишь на двор сквозь окошко вздыхала, глядя, как он конем управляется.

А на пятый день сотник не выдержал. В атаку пошел решающую, в атаку яростную, как в последний бой. Подметрел за углом, как Акилина с ведрами шла, подскочил к ней ор-

лом, чубом русым тряхнул, правый ус крутанул:

- Разреши, хозяйка, помочь. Тяжело коромысло для девушки.

А у той аж сердце захолонуло.

Коромысло с ведрами играючи на свое плечо положил, здоровое, до порога проводил уважительно. Да беседовал так хорошо и весело, что подивилась Акилина, раньше думая, что неразговорчивый.

А под вечер Акилина уже с коня падала, езде сотником обучаемая. Но не плакала, а лишь смеялась, весело голову запрокидывая. Да и матушка лишь улыбалась, руки от муки отряхивая, на забавы молодых глядя.

А еще через пару дней Акилина уже крепко в седле держалась, поводами чеканными поигрывая. Да и конь под ней был как шелковый. По приказу ее то стоял вкопанный, то стрелой летел пущенной, не шалил боле и не сбрасывал.

Чтоб начальство казачье не гневало, да от матушки, чтоб не видела, запасную одежду сотника Григорий из сундука вытащил. На Акилину она была как шитая, в ней же, с косами, под папаху спрятанными, вскачь неслась по анапским улицам, да на сотника с улыбкой оглядывалась. Их, военных, в ту пору хватало и по улицам, и по набережной, и никому даже дела не было до двух несущихся всадников.

А у моря, тихого, ласкового, отпустив лошадей восвоися, оба всадника целовались в уста, да шумел камыш, нарушая тишь.

И неслась над Анапой любовь...

Только месяц то счастье и длилось. Засигналили трубы походные. Именные трубы, серебряные, за удачный поход полку дареные. И нахмурились брови сотника: расставаться с любимой надобно.

Акилино сердце кровью зашло, прикипела душой к Григорию. На квартиру пошла полковника. На соседней, Таманской, жил улице. Пала ниц, попросилась в полк сестрой милосердия. Но полковник - свиреп, даже слушать не стал, разъярился враз да ногами затопал. Не хватало еще баб в войске казачьем!

С болью, слезами с Гришей просталась. Когда уже с музкой полк тронулся, еле расцепил он руки девичьи. Криком исходила Акилина, последними поцелуями покрываемая.

Не улеглась пыль еще за полком казачьем, ушедшим по Гребенской улице. Решилась дивчина: ждать любимого только дома у него, вместе с родной его матерью. Как невесте названной, как жене казачьей.

Дома матушке в ноги бросилась, рассказала ей горе девичье. Та заплакала, попечалилась, но решению дочки порадовалась, ей Григорий ведь тоже нравится. На дорогу целковых насыпала и иконку на шею повесила. И еще раз заплакала, дочке на шею кинувшись.

До Екатеринодара путь неблизкий был. Время мутное, беспокойное, обидчиков по дорогам хватало. Раздобыла Акилина платье мужеско. От природы чутка была и наблюдательна: как ту или другую работу мужескую делать надобно - сразу схватывала. На повадки мужичьи, на походку внимание обращала, подражала перед зеркалом - похоже получилось. Там же, перед зеркалом, зажмурившись, косу русую отрезала. Так и решилась идти, мужиком переодевшись.

Где подвоем, а где ноженьками добралась Акилина до Екатеринодара. В пути трудиться не брезговала, где только могла, подрабатывала.

Нашла кабинет того чиновника, что делами Анапы ведал, города упраздненного. Придумать хотела историю, да не выдержала, расплакалась, в три ручья разрыдалась, рассказала любовь свою к Григорию. И чиновник к девушке сжалился, новый вид Акилине выписал. Только не стало уж Акилинушки, Серебрянской явился Каленик. До копеечки, что имела, в кабинете том все оставила.

А на хуторе григорьевом снова радость ее встретила: рассчитался работник единственный, подполковнице замену было надобно. Заробела Акилина, испугалась, сыновней невестой не назвалась. Стал Каленик хозяйским работником (как в той сказке: кухаркой и плотником). И прозвали его Иваном, для простоты и удобства пушего. Ведь Каленик - имя редкое, непривычное, только в святцах найдешь его.

Нет, не все у Ивана сразу спорилось, то сноровки порой не хватало, то силушки. Но старался, как мог, хоть валился без сил, и хозяйка довольна была работником.

В ночь рождественскую, в ночь праздничную, позвала подполковница к столу работника. Грустно была та ночь на хуторе заснеженном. О пирогах забыв, на столе поставленных, рассказывала хозяйка о сыне своем единственном, о сотнике Григорию. В сундуке порывшись кованом, его портрет достала, маслом писанный. Да не выдержала тут Акилина, к портрету бросилась, разрыдалась, поцелуями покрывала. Матушке Григория показала, о любви своей и о том, как здесь очутилась. И старушка та не прогневалась - близко к сердцу беду молодую приняла. И остались жить они на хуторе, вдвоем всю работу по дому делали, помогала старушка-мать в меру старых сил.

Никакой работой Иван не брезговал: и сено косил, и корову доил, и дроба рубил на просеке. И хозяйке той соседи завидовали, что работник такой старательный. переманивали Ивана, задабривали, да не поддавался он на уговоры соседские.

Все девчата соседские за Иваном сохли, за работником подполковничьим, симпатичным Иван был парнем. А Аринка-солдатка, девка бесстыжая, подстерегла его с дровами на про-

секе, обняла его крепко да с ласкою.

- Сокол мой золотой, голубоглазенький, люб ты мне уж давно, сосени. Ну иди сюда, ты глаза не прячь, посмотри на меня ласково.

Ничего Иван не сказал ей, отшвырнул только Аринку испуганно, побежал в дом хозяйский, спрятался.

Так прошло-пролетело семь лет и семь зим. Налилась красотой Акилина, красотой величавой, женственной. Уж боялась показать работника хозяйка, пуще черта боялась она сглазу людского.

Тут и вышел срок возвращаться молодому хозяину. Уж и весточку прислал, к Рождеству ожидали его на хуторе, пироги пекли сладки, медовуху варили знатную.

Тут и случилась беда лихая!

На соседнем хуторе лошадей увели, дорогих лошадей, белогривых. Увели люди вольные, табором кочующие, лошадей тех и след простыл. Да и хозяин зло на Ивана таил, что не пошел он к нему в работники, да хозяйке его завидовал. Стал властям сыскным нашептывать, что Иван, мол, де, работник липовый, для наводки цыганам оставленный. И навел на того подозрение.

Ночью темной, потаенно нагрянула за Иваном команда. Как ни пыталась отбить старуха-подполковница, увезли его в станичное правление.

...За столом заседатель сидел, огурцы жевал соленые, заливая их горилкою. Перед ним Иван стоял потупившись, переминаясь с ноги на ногу застенчиво.

«Ну, а вдруг он есть беглый каторжник? - померещилось тут заседателю. - Ноги глянувши б ему, ироду. Кандалами, небось, ножички стертые, то-то мнется стоит, переминается. А за каторжника награда хороша!».

И разуться Ивану было велено. Снял Иван сапоги растоптанные, сапоги старые, подполковничьи.

Так прошиб холодный пот заседателя, что смахнул он бутылку с горилкою. Как увидел он ножки маленькие, ножки крохотные, розовые, девичьи.

...Акилины заплаканной рассказ выслушав, сел заседатель за составление рапорта. Уж и пропел он, рапорт тот составляючи, рапортов-то таких никогда не писал.

Акилину поутру с конвоем в Екатеринодар отправили. По закону, до выяснения личности. Потянулись версты казенные, версты долгие.

Но мчался уж, мчался в Екатеринодар Григорий, перехваченный в дороге депешей материнской. На выручку Акилине летел. На плечах погонны есауловы, да кресты звенели от ветра встречного. А до Гождества, до судеб двух разрешения, до встречи, до счастья оставались часы считанные.

Геннадий ВОЙТЕНКО, г.Анапа

МЕЖДУ ДВУХ... ЦЕРКВЕЙ

Кто читал 2-й номер «Станицы» за этот год, наверное, вспомнит достаточно подробный и поучительный рассказ атамана Енисейского Войска А.Ветрова. Его организация буквально вынуждена была, усилиями местной иерархии Русской Православной Церкви и комиссаров «Союза казаков», перейти в юрисдикцию нашей Церкви за рубежом. Не раз приходилось слышать от казаков, как подобное же давление священнослужителей Московской Патриархии, ориентирующих людей на «красное казачество», подталкивает к такому шагу и другие организации.

Не преувеличиваем ли мы проблему, раздувая, может быть, шум вокруг единичных случаев? Но слишком много таких «случаев», свидетельствующих об активном

участии Церкви в политической борьбе.

В статье «Пасхальная ночь в Троицком соборе» мы писали о том, как в Томске прозвучали выстрелы во время нападения одних казаков («красных») на других («белых»). А несколькими днями раньше в другом Троицком соборе - в г.Обоянь Курской области - дни Великой Неделе тоже чуть было не омрачились стычкой казаков. В этот раз - двух соседних казачьих областей.

Приход Обоянского Свято-Троицкого собора вслед за рядом других Российских храмов принял решение о переходе под омофор Зарубежной Церкви - теперь Российской Свободной Православной Церкви. Не наше здесь дело об-суждать, правы ли не были тыся-

чи верующих во главе со своим настоятелем, соблюдены ли были все юридические формальности и т.д. Однако берусь судить, что конфликт двух православных церквей должен разрешаться «мирным путем». Однако - и, очевидно, с ведома митрополита Курского Ювеналия, - для защиты имущественных прав Русской Православной Церкви с Дона (из Каменска-Шахтинска) был вызван отряд в несколько десятков казаков. Кем, по какому праву был отдан позорный приказ казакам предстать в роли полицейского подразделения далеко за пределами Донской области? И что бы предприняли они, не оказавшись на их пути трое кубанцев, приглашенных ранее на праздник настоятелем Свято-Троицкого храма? Между прочим,

представители КГБ и МВД области, узнав о появлении кубанских казаков, попытались исправить чью-то глупость, задержав автобус с донцами в Курске. Однако те, пообещав ехать домой, все же приехали в Обоянь.

Конечно, стычки не произошло (подробности инцидента - в 159 номере «Кубанца» из Нью-Джерси). Наверное, и донцы, увидев, что кроме трех кубанцев (весьма, надо сказать, внушительных на вид), им противостоят десятки старушек, готовых пустить в ход свои палки, поняли, в какое грязное дело их хотели втянуть. Автобус уехал, праздник состоялся...

Даже не знаю, удобно ли задать владыке Ювеналию прямой вопрос - неужели для наведения порядка в церковных делах он

считает возможным, как каких-нибудь наемников, привлечь со стороны казаков, направляя их для разгона нагайками православных верующих, пожилых людей? Тут не знаешь даже, что вспомнить - разве что один из крестных походов, когда рыцарями-христианами был захвачен и разграблен христианский же Константинополь. Да, казаки помнят, что их называли христианским рыцарством - и тем более постыдно, играя на исторической памяти казачества, вмешивать его в, по сути своей, политические разборки! Эдак ведь всех верующих распугаешь от своих храмов!

Г.САМСОНОВ

КАК НОВОЕ ЗНАМЯ СТАЛО СТАРЫМ, А РАДА ПРЕВРАТИЛАСЬ В «ВОЙСКО»

19 июня собрался Совет атаманов Кубанской казачьей Рады в помещении Дома офицеров Краснодарского гарнизона. Приурочили его к приезду в край атамана Кубанского Войска за рубежом А.Певнева.

«Богатые события происходят сейчас на Кубани», - многозначительно сказал атаман Рады В.Громов, сев в президиум. И события не замедлили случиться.

А.Певнев очень волновался, но его открытая, искренняя речь тронула сердца многих. Было видно, какое большое значение придавал он возможности выступить перед казаками на Родине. Атаман Певнев подарил Раде видеомэгафон и кассеты с записью процесса графа Толстого и лорда Алдинтона, а также сшитое совсем недавно, судя по виду, на американской земле Кубанское знамя (утвержденное в 1917 г.). Во время вручения знамени из зала поднялся есаулец и внес предложение: «В связи с тем, что к нам поступило знамя Кубанского казачьего войска, предлагаю переименовать нашу организацию в Кубанское казачье войско - во главе с атаманом Громовым!»

Зал дружно проскандировал: «Любо! Да здравствует Войско!» После этого В.Громов поцеловал знамя и, сказав Певневу: «Спасибо, что Вы столько лет хранили знамя и сохранили его!», внес предложение находчивого есаульца в повестку дня собрания.

Представитель Совета стариков Рады оформил предложение юридически: «Кубанское казачье войско за рубежом вручило нам знамя, значит мы - единственные правопреемники Кубанского казачьего войска! Согласно законам Российской империи, кто владеет знаменем, тот правопреемник автоматически. Это признание нас и только нас!»

Такое вот интересное представление о Российской империи и ее законах, да еще примененное к знамени, принятому после уничтожения этой самой империи.

А тут еще за месяц до этого памятного Совета на Кубани было зарегистрировано Кубанское казачье войско, учредителями которого стали многие Кубанские организации, несогласные с действиями и политической Рады. Зарегистрировано согласно действующим законам - но да с

ними Рада, мы знаем, бывает не в ладах...

Итоги подвел Громов, предложив проголосовать за «создание Кубанского казачьего войска во главе с Радой».

Зал встал и прокричал «любо!»

Далее атаман станичных обществ Рады клеймили главу ельцинской администрации края В.Дьяконова, осыпали проклятиями казаков, не согласных с политикой и руководством Рады. Горячо, с искренней страстью говорили атамань:

- Дайте нам Кубань, а не Ашоту, который обкрадывает нас уже более 70 лет!

- Намену правительству должны прийти атамань! Все документы от казачества должны быть подписаны только Громовым! Все другие документы правительству не принимать!..

- Надо немедленно формировать правительство во главе с атаманом Громовым!

Когда накал эмоций достиг апогея, встал находчивый есаулец и провозгласил: «Громов - глава! Голосуем!»

И проголосовали...

- овь. «Кубанец»

«Казачья Россия. (Прошлое, настоящее, будущее)», М., 1992.

Экспертно-консультативным советом по проблемам возрождения Российского казачества при институте этнологии АН России подготовлена по заказу Государственного комитета по делам национальностей справка по истории и современному положению казаков. Изданная в виде отдельной книжки тиражом всего 250 экземпляров, справка предназначена для государственных чиновников и глав администраций, которым в непосредственной деятельности приходится сталкиваться с казачьими проблемами. Документ, который называется «Казачья Россия. (Прошлое, настоящее, будущее)», включает в себя следующие основные разделы:

1. Основные положения концепции поэтапного возрождения казачества.
2. Казачьи земли и их население (XVI - нач. XX вв.).
3. Этническая история Российского казачества.
4. Казачество и Российское государство.
5. Формирование казачьих войск в XVIII - нач. XX вв.
6. Казачество и вооруженные силы страны.
7. Управление казаками и казачье самоуправление.
8. Экономическая основа существования казачества.
9. Православие и традиции казачества.
10. Традиционная культура казачества и пути ее возрождения.
11. Казачество в современной России.

К справке прилагаются карты областей казачьих войск.

Надеемся, что она поможет тем, кто будет готовить и принимать важные решения по возрождению казачества, лучше ориентироваться в правовом, социально-экономическом статусе казака в прежней России, сущности казачьей земельной общины, воинской службы и возможностях использования этого опыта сегодня, а также представить себе весь спектр существующих казачьих организаций и основных различий между ними. Ответственный редактор издания - доктор исторических наук, проф. Ю.Б.Симченко, координатор темы - И.Аверин. В подготовке справки непосредственно участвовали и члены редколлегии «Станицы» Ю.Аверьянов, Г.Кокунько, А.Серба, В.Шуков.

ПРОСИМ ПОМОЧЬ!

Обращаются к вам казаки ст.Тульской.

Наша станица названа в честь Тульского полка, который участвовал в Кавказской войне. Ее основали казаки и солдаты регулярных частей в 1861 г. До переворота 17 года станица входила в Майкопский казачий отдел Кубанского казачьего войска. Что было после 17 года с казачеством - общеизвестно. До 1962 г. наш Тульский район входил в состав Краснодарского края, а затем, без учета мнения населения, присоединен к Адыгейской автономной области и назван Майкопским районом. В 1991 г. при образовании Адыгейской республики сессия районного совета Народных депутатов приняла решение: одобрить декларацию о суверенитете республики только лишь после референдума в районе. Референдум проведен не был. Летом 1992 г. правительство Адыгеи приняло решение о строительстве в г.Майкопе, столице республики, памятника жертвам Кавказской войны как невинным жертвам с обеих сторон. Но вот недавно в газете «Советская Адыгея» промелькнула небольшая заметка, что памятник будет воздвигнут в память погибших в Кавказской войне «за свободу Черкесии». А казаки решили тогда увековечить память предков, погибших не только в кавказской войне, но и во все времена. Готов эскиз памятника: 3,5 метровый крест, на котором распят Христос, внизу - коленопреклоненный казак. Надпись будет гласить: «ВЕРНЫМ СЫНАМ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО».

Казаки ст.Тульской просят казаков всей России оказать посильную помощь в строительстве этого памятника.

Наш расчетный счет: 70059 в банке «АСТРОН»
Тульского РКЦ республики Адыгея
МФО 14308 корсчет 16101

Атаман ст.Тульской ИСАЕВ Г.М.

Условия подписки на «Станицу»

Для оформления подписки достаточно выслать в адрес редакции почтовый перевод с пометкой «подписка» на сумму 75 рублей (из расчета 5 руб за номер плюс почтовые расходы). Каждый номер газеты будем отправлять по указанному вами адресу.

Учредители:
Союз
Казачьих
Войск России
и Енисейское Казачье
Войско

Адрес штаба СКВР
и редакции
103012, Москва,
ул. Варварка, 8
т. 298-56-02

Адрес редакции для писем: 115569, Москва, Каширское шоссе, 86, к.3, кв. 586, В.А. Шукову.

Зарегистрирована в Минпечати РФ №1527

Отпечатано в Мытищинской Межрайонной типографии

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
В. Шуков, Ю. Аверьянов,
Г. Борисов, Г. Кокунько,
О. Мраморнов, А. Серба

Цена договорная